

Дракончик Пыхалка

Дмитрий Емец

Дракончик Пыхалка

«Емец Д. А.»

1994

Емец Д. А.

Дракончик Пыхалка / Д. А. Емец — «Емец Д. А.»,
1994 — (Дракончик Пыхалка)

ISBN 978-5-699-29188-5

Однажды в квартире обычной московской девочки Маши из старинного бабушкиного сундука появился... настоящий дракончик. Много лет назад Пыхалка потерялся, залез в сундук и уснул, а разбудили его расшалившиеся Машины игрушки – нарядная кукла Оля, пупс Куклавания, зайчата и кошка Дуся. Куклам и их хозяйке очень понравился новый знакомый, но они даже представить не могли, что им предстоит отправиться вслед за дракончиком на сказочный остров Буян, где их ждут захватывающие волшебные приключения!

ISBN 978-5-699-29188-5

© Емец Д. А., 1994

© Емец Д. А., 1994

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвёртая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	31
Глава седьмая	33
Глава восьмая	37
Глава девятая	40
Глава десятая	46
Глава одиннадцатая	50
Глава двенадцатая	53
Глава тринадцатая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дмитрий Емец Дракончик Пыхалка

Часть первая ДРАКОНЧИК ПЫХАЛКА

Глава первая ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЗАЙЦЕВ

Поздним вечером, когда Маша уже спала, в коробке под её кроватью плюшевые зайцы Синеус и Трувор отмечали свой первый день рождения. Зайцы были близнецами, и если бы не пятно от акварельных красок на ухе Синеуса и не пришитый чёрными нитками хвост Трувора, их нельзя было бы отличить.

В гости к зайцам пришли кошка Дуся, кукла Оля и рыжеволосый пупс Куклавания.

Оля была не тощенькая Барби, а солидная русская кукла с крупными руками и ногами и огромными голубыми глазами. Когда Олю переворачивали вверх ногами, она пугалась и кричала: «Ма-ма!» И ничего удивительного. Если бы вас, уважаемый читатель, перевернули головой вниз, вы бы тоже стали звать маму или даже милиционера.

Оля всё на свете делала правильно. Она всегда говорила «спасибо» и «пожалуйста» и только изредка их путала. «Дайте, мне, спасибо, конфет!» – получалось тогда у Оли или: «Пожалуйста вам за обед!»

Другой гость зайцев, рыжеволосый пупс Куклавания, принадлежал к той породе пупсов, что вечно разгуливают с развязанными шнурками, сбитыми коленями и синяком под глазом. Его рыжие кудри были растрёпаны, курносый нос смотрел на мир двумя жизнерадостными дырочками, а по щекам рассыпались веснушки.

Куклавания был одет в джинсовую куртку со множеством карманов: два кармана внизу, два сверху и один на спине. Эту куртку сшила ему Маша, семилетняя девочка, в комнате у которой жили игрушки. Карманов было крайне много, а Куклавания всего один, и он вечно не мог вспомнить, что где лежит.

Зайцы Синеус и Трувор ёрзали на табуретках:

– Когда придёт день рождения? Почему он не приходит?

– Он, наверное, задержался в школе, – решил Куклавяня.

– А что такое школа? – с любопытством спросили зайцы.

– Ну... э... как тебе сказать, кукла! Школа – такое место, где много девочек, и все они набрасываются на тебя и тискают. Я ходил туда вместе с Машей, – похвастался Куклавяня.

Кошка Дуся вздрогнула.

– Брр! Тискают! Терпеть не могу. Запачкают шерсть, а потом вылизывайся!

– А мне понравилось! Тискаться приятнее, чем мыться. К тому же мыться – просто даром время терять, потому что потом всё равно загрязнишься, – заявил Куклавяня.

– Фу, какой ты грязнуля! – сморщила нос кукла Оля.

Куклавяня обиделся.

– Сама ты грязнуля! Сейчас как тресну тебя по лбу! – сказал он.

– Бить девочек нехорошо! – напонила кошка Дуся.

– Пусть нехорошо! – согласился пупс. – Зато увлекательно!

Оля погрозила Куклавяне внушительным кулаком:

– Пусть только попробует меня стукнуть! Я большая кукла, а он всего-навсего карапузистый пупс, почти что неваляшка!

Ссора легко могла перейти в драку, но тут вмешались зайцы.

– Как вам не стыдно! Сегодня же наш день рождения! – сказали они и, посмотрев друг на друга, разом скусались. Синеус и Трувор всё делали синхронно.

Куклавания и Оля покраснели и на некоторое время помирились. Вообще-то они были хорошими друзьями, а что ссорились – так кто ж не ссорится. Просто у Куклавания характер был вредный, да и у Оли, надо сказать, не сахар.

– Вы же обещали, что к нам сегодня придёт день рождения... А его всё нет! Выходит, вы нас надули! – сказали зайцы и принялись похныкивать.

Если разобраться, у них были для этого все основания. И правда, ерунда какая-то получается: гости ссорятся и чуть не подрались, стол не накрыт, и дня рождения всё нет. Только и остаётся что плакать.

Куклавания по простоте душевной решил их утешить.

– Равняйся-смирно, кроличьи шапки! Ноги вместе, уши врозь!.. А ну живо все улыбнулись! Кто будет плакать – того в зоомагазин на морских свиней переучиваться! – сказал он.

Синеус и Трувор, вечно принимавшие всё буквально, на всякий случай затряслись и приготовились прятаться под табуретку.

– Прекрати, пупс! А вы вылезайте давайте! День рождения приходит, когда все садятся за стол и начинают пить чай. Так всегда бывает, – успокоила зайцев кошка Дуся.

Синеус и Трувор притихли и послушно вытерли друг о друга мокрые носы. Кукла Оля поставила на плиту чайник и достала конфеты. Зайцы сразу набросились на шоколад и перепачкались до ушей. Куклавания разглядывал конфеты с брезгливой задумчивостью. Он ещё до обеда успел умять целую банку варенья.

– Я не хочу! – заявил он.

– А тебе никто и не предлагал, – вскользь заметила Оля.

– Ах так, кукла! Тогда я возьму тебе назло! – сказал пупс и стал рассовывать конфеты по карманам.

Тем временем у куклы Оли вскипел чайник.

– Чай готов. Кто будет его разливать? – спросила Оля.

Зайцы радостно вострепнулись. Их переполняла ответственность.

– Мы будем! Мы! – закричали они и опрокинули чайник Оле на колени. К счастью, куклы боятся кипятка меньше, чем люди.

– Мы разлили чай! Как ты и просила! – похвалились Синеус и Трувор.

Оля с ужасом посмотрела на мокрый подол платья:

– Вы его не туда разлили, дура... э-э... дурашки!

– Ой! У нас нет чая! К нам не придёт теперь день рождения. Прости нас, Оля! Мы такие несчастные! – заплакали зайцы.

Кошка Дуся ободряюще шлёпнула их лапкой.

– Ерунда! Можно вскипятить новый чайник. А воду мы с пупсом возьмём из аквариума! На письменном столе у Маши стоял аквариум, который кошка любила задумчиво созерцать. Куклавания и здесь не мог успокоиться и, вместо того чтобы набрать воду в чайник, предложил вскипятить весь аквариум.

– А рыбки! Что с ними будет? – с испугом спросила Оля.

Куклавания пожал плечами:

– Да ничего с ними не будет. Рыбок съест Дуся. Хорошо прокипячённый чай с рыбой – её любимое блюдо.

Дуся всерьёз задумалась.

– Оно, конечно, ничего бы, но Маша огорчится. Она любит рыбок. К тому же, если я съем их сейчас, у меня исчезнет надежда съесть их потом, – неуверенно сказала она.

– Ладно, лучший враг собаки, ты меня убедила! Не будем кипятить аквариум. Просто возьмём немного воды. Рыбки не обеднеют. Идём, кошка! – легко согласился Куклавания, направляясь к столу.

Олю встревожила его уступчивость.

– Нет уж! Я пойду с вами. А то вы без меня нашкодите! – сказала она с подозрением.

– Э, нет! Обойдёмся как-нибудь! Не женское это дело по ночам шастать. К тому же у тебя большие ноги и ты топаешь. И смотри не съешь все конфеты, а то я тебя знаю: нас выпроваживаешь, а сама заришься, – сказал Куклавания.

Оля вспыхнула и набросилась на него:

– Ах ты, вредный пупс! Когда-нибудь ты меня доведёшь и я тебе все уши поотрываю! Пускай их потом Маша пришивает!

Куклавания мрачно сплюнул.

– Нитками? – уточнил он.

– Нитками.

– Уши?

– Уши.

Куклавания долго смотрел на неё, а потом покачал головой.

– Фуй, кукла, какие у тебя нездоровые фантазии! – сказал он.

Затем Куклавания оседлал кошку, и Дуся, крадучись, вышла из-под кровати.

* * *

Вы, конечно, замечали, какой страшной становится комната ночью. Самые привычные вещи выглядят зловещими. Рубашка на спинке стула топорщится и напоминает человека, который пришёл неизвестно зачем, уселся, сидит и зачем-то на тебя смотрит. А фонарь за окном, отбрасывающий на стены зловещие тени? А шуршание в шкафу?

Дуся и Куклавания тоже вначале испугались, и им немедленно захотелось вернуться. Но, присмотревшись, они увидели, что комната выглядит спокойно и сонно. На кровати, свернувшись под одеялом калачиком, спит Маша и видит хорошие сны. На столе в аквариуме спят рыбки. На подоконнике в горшках спят цветы. И жизнь не так уж и страшна, если разобраться.

Кошка Дуся прыгнула на стол с грацией грузовика, перевозящего металлолом. Она была кошка домашняя и, следственно, довольно неуклюжая. Хорошо ещё, что никто не проснулся.

Оказавшись на столе, Куклавания слез с кошки, взял чайник и стал набирать воду из аквариума. Случайно он зачерпнул и пару рыб, и ему пришлось выпускать их обратно.

– Лезут тут, наглые какие! Ни стыда, ни совести! Прямо как у меня! – ворчал пупс. Можно было подумать, что не он заявился к рыбам с чайником, а они к нему.

Кошка Дуся соскочила со стола, ухитрившись не расплескать воду, и минуту спустя оба были уже в коробке с игрушками. Все сели за стол и стали пить чай с тортом. Торт Оля при-

готовила ещё днём на кукольной плитке, но прятала до поры до времени, чтобы его не нашёл Куклавания. Дуся торт есть не стала: берегла фигуру. Она заявила, что с тортами нужно быть осторожнее, а то одна её знакомая кошка растолстела так, что застряла в дверях.

Синеусу и Трувору досталась середина торта с единственной свечкой, так как им исполнился всего год. Зайцы надулись, как пузыри, и задули свечку на счастье. Все стали дёргать зайчиков за уши и дарить подарки. Кошка Дуся подарила им по морковке, Куклавания – толстую книжку русских сказок. Оля припасла для зайцев тёплые вязаные шапки с прорезями для ушей.

Затем все вновь занялись тортом. Он оказался удивительно вкусным.

– Одобряю, кукла! На этот раз у тебя чисто случайно получилось нечто съедобное, – похвалил Олю Куклавания. – Только ты бухнула туда слишком много калорий.

– Никаких калорий там нет! Там мука, сахар, яйца и больше ничего, – оскорбилась Оля.

– Погоди-ка! Давай выясним... Ты говоришь, что там нет калорий, а я чувствую, что они есть. Значит, они туда пролезли тайком, когда ты отвернулась.

Синеус и Трувор задрожали.

– Ой! Нам страшно!

– Признайся, пупс! Ты только что придумал эти самые калории! – рассердилась Оля. Она не выносила, когда её кулинарное искусство ставилось под сомнение.

Куклавания прищурился.

– Придумал?! А с чем тогда борется мама Маши? Чего она боится как огня?

– Калорий она боится. Чего же ещё, как не калорий! – Дуся на мгновение прекратила умываться.

Пупс торжествующе уставился на Олю и склонился над тортом.

– Слушайте, зайцы! Работайте своими большими ушами. Там кто-то скребётся. Это всё они, калории! Идут войной!

Кукла Оля заморгала голубыми глазами:

– Ох! Что теперь с нами будет?

– То-то и оно, – развёл руками Куклавания. – Ну так и быть, я спасу вас от злобных калорий. Мужественным пупсам они не страшны. Я один доем весь торт.

Куклавания уже протянул руки к торту, но Дуся сказала:

– Не верьте ему, дурашки! Он вас надул.

Калории не опасны для худеньких малышей. А вот Машина мама прекрасно может обойтись и без них. А то скоро из всего гардероба ей будут подходить по размеру лишь носовые платки.

Глава вторая

БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛЕНЬКОЙ КВАРТИРЕ

Куклавания любил открывать новые уголки квартиры. Такие, в которые никто из игрушек раньше не забредал. Пупс не то что трёх дней – трёх минут не мог усидеть на одном месте. Постоянно ему нужно было куда-то бежать, что-то устраивать, чего-нибудь исследовать. Короче, это был беспокойнейший пупс на свете.

Как-то весенним утром, когда Маша ушла в школу, а её родители на работу, кукла Оля учила зайцев Синеуса и Трувора читать по букварю. Сама Оля уже знала весь алфавит и умела писать все буквы, кроме Ы.

– Это буква А, – показывала Оля. – Она похожа на букву А... Поняли? Это буква У, она похожа на букву У.

Оля была прирождённым педагогом.

– А буква Д похожа на букву Д? – спрашивали зайцы.

– Пожалуй, похожа, – после некоторого раздумья отвечала кукла. – Что ни говори, а образование не проходит для вас бесследно.

Крышка коробки отодвинулась, и появился Куклавания в полном походном облачении. Пупс был одет в тулуп, застёгнутый на все пуговицы, на голове – кастрюля. В руках он держал открывалку, на случай если по пути ему встретятся банки с вареньем.

– Привет, привет! – крикнул он зайцам.

– Привет, Куклавания! Ты куда? – откликнулись зайцы.

– В поход иду. Думаю исследовать парочку новых континентов, а по пути найти, где эти жадные людишки прячут конфеты.

– Как интересно! Мы тоже хотим с тобой, – воскликнули Синеус и Трувор.

– Но мы учим буквы, – возразила Оля.

– Великие открытия не станут ждать, пока вы выучите какие-то там буквы. Время не терпит. Человечество страдает! – заявил Куклавания.

Вид у пупса был решительный. Кастрюля на голове смотрелась как рыцарский шлем. Герой так и рвался навстречу подвигу. Даже Оля была очарована, чего уж тут говорить о зайцах!

В путешествие решено было отправляться без промедления и всем вместе. Если великие открытия не могли ждать, то сам первооткрыватель и подавно. Пупс весь извёлся от нетерпения, переступал с ноги на ногу и рвался навстречу приключениям.

Что касается Оли, то, несмотря на охватившее всех воодушевление, она успела сделать в дорогу пару десятков бутербродов. Оля была неглупой кукольной девочкой и понимала, что мужественные герои нуждаются в усиленном питании.

И вот друзья выступили в поход. Впереди с открывалкой в руках шагал Куклавания. За ним вприпрыжку скакали зайцы. Замыкала шествие кукла Оля, навьюченная рюкзаком с бутербродами.

Везде можно найти немало нового, если поискать хорошо.

Даже в обычной трёхкомнатной квартире с отдельным санузлом, застеклённым балконом, кухней и кладовкой порой случаются чудеса. Это усвоил каждый, кто хотя бы раз в жизни делал генеральную уборку. Откуда-то из небытия всплывают вещи, которые казались давно потерянными: старые рубашки с мелочью в карманах, книжки без переплёта, расчёски, всякого рода безделушки и ещё многое, многое.

– Эй, пупс! – крикнула Оля, нагоняя Куклавню и дергая его за рукав. – Что мы открываем на этот раз? Вроде уже все комнаты облазили.

– А кладовка? Сам не знаю, чего в ней больше: тайн или банок с вареньем! И те и другие только и ждут, чтобы их открыли! – возбуждённо завопил Куклавня.

Пупс стал размахивать руками и задел Синеуса открывалкой по носу. Подождав, пока заяц перестанет ныть, Куклавня жестом пригласил всех подойти ближе.

– А ещё с этой кладовкой связан ужасный секрет! – прошептал он, таинственно оглядываясь.

Синеус и Трувор заёрзали от любопытства.

– В кладовке кто-то живёт! Я слышал вздохи и кашель. Это, наверное, какая-нибудь дальняя родственница, которую заперли в кладовке и забыли. А она забаррикадировалась и ждёт, на кого бы наброситься!

– М-может, мы туда не пойдём? – задрожали зайцы.

Оля недоверчиво покосилась на Куклавню:

– Ты всё придумал, пупс! Ты известный фантазёр и лгунишка!

Куклавня надулся.

– Что ж, кукла... время нас рассудит. Когда-нибудь я прославлюсь, и тебе станет стыдно, что ты меня недооценивала.

В коридоре было темно. Лишь несколько лучей света пробивались в щели. В воздухе танцевала пыль. Она то взлетала под потолок, то, слипаясь в лёгкие белые хлопья, оседала на полу. Казалось, что идёт снег.

– А-а-а-апчхи! – чихнул один из зайцев, кажется, Трувор.

Первооткрыватели вздрогнули и присели от неожиданности. Куклавня поднёс палец к губам.

– Т-шшш! Чуланная родственница услышит!

Зайцы послушно закивали, и даже Оля, раскрывшая рот, чтобы возразить Куклаване, почему-то промолчала. Прокравшись по коридору, отважные путешественники подошли к кладовке. Оттуда не доносилось ни звука.

– Будем исследовать! – прошептал Куклавания, прильнув к двери ухом. – Родственница небось притаилась... А потом – АМ! – и набросится!

И Куклавания показал, как именно бросаются дикие необузданные родственницы. Это выглядело так многообещающе, что Синеус и Трувор вцепились друг в друга и захлопали носами.

– Что-то я ничего не слышу! Она, должно быть, так тихо притаилась, что и не дышит! Знаем мы эти фокусы! Какая хитрюга! Давайте её вспугнём! – предложил пупс.

Все по знаку Куклавания завопили, кто как мог. «У!» – завывала Оля. «Ого-го-го!» – тихо-нечко закричали зайцы, которым в глубине души хотелось надеяться, что никакой родственницы в кладовке нет и в помине. «Гу-гу-гу!» – устрашающе забасил пупс. – Гу-гу-гу!»

Ничего не произошло, лишь пыль заметалась по углам. Куклавания встал на цыпочки и дотянулся до задвижки. Дверь скрипнула. Игрушки зашли внутрь. Зайцы крепко ухватились за платье куклы Оли и тянули изо всех сил, так им было страшно.

– Не путайтесь под ногами, трусишки! Здесь совершенно нечего бояться, – одёрнула их Оля.

В маленькой комнатке было темно. Пахло старыми вещами и нафталином. На верхних полках поблёскивали стеклянные банки с вареньем. Куклавания зажёл фонарик. Луч выхватил из темноты испуганных зайцев и белый фартук Оли.

Синеус сделал шаг в сторону и больно стукнулся лапкой.

– Мама! Тут что-то есть! – ойкнул он.

Куклавания нашарил фонариком большой деревянный сундук. Он выглядел очень древним. Было непонятно, как сундук мог очутиться в городской квартире на девятом этаже.

– Ишь ты! – восхитился Куклавания. – Ну и сундучище! Как только ему удавалось столько времени от меня скрываться?

Оля осторожно провела по обитой медью крышке сундука.

– Это сундук прабабушки. Мне Маша рассказывала. Его из деревни привезли и даже не открывали. Ключ потерялся.

– Ух ты! Где моя любимая открывалка? Спорим, я мигом взломаю этот таинственный сундучок? – воодушевился Куклавания.

– Вечно ты всё хочешь сломать! – всплеснула руками Оля.

Куклаванию невозможно было остановить. Он разбежался, поднял открывалку и вознамерился с разбегу шарахнуть по замку сундука. Зайцы спрятались за куклу Олю и выглядывали из-под её юбки. В тот миг, когда Куклавания ударил открывалкой по замку, в сундуке кто-то чихнул, да так, что крышка подскочила. Пупс выронил открывалку. Оля и зайцы от неожиданности сели на пол.

– В сундуке кто-то есть! Д-давайте у-убежим! – прошептали зайцы.

– Это, наверное, м-моль чихнула от нафталина, – предположил Куклавания.

– Апчччч! – чих повторился. Друзья замерли.

– Я же говорил, что там родственница! Давайте выкурим её оттуда! – зашептал пупс.

– Не надо! Давай уйдём! Нам страшно! Мы хотим домой! – Синеус и Трувор в панике вцепились Куклаване в рукав.

Оля вздохнула. Она колебалась, какое решение принять.

– Всё же лучше, наверное, её найти. А то как-то неловко. Живём в одной квартире и до сих пор не знакомы, – решила она.

Кукла подошла к сундуку и тихо постучала:

– Извините, пожалуйста, но мы знаем, что вы внутри. Не могли бы вы выглянуть на минуту и не пугать нас?

В сундуке кто-то заворочался.

– Стесняется! – шепнула Оля. – Наверное, очень застенчивая родственница... Послушайте, нельзя же всё время проводить в кладовке! Хотите жить с нами в комнате?

– Ты что? У нас и так тесно. Для своих места не хватает, а ты приглашаешь! А ну как она согласится? – зашипел на неё Куклавания.

Крышка сундука скрипнула и приподнялась. В щёлке заблестели большие жёлтые глаза. Зайцы задрожали и попытались удрать, но налетели друг на друга и растянулись на полу.

Куклавания и Оля тоже испугались, но любопытство было сильнее.

– Привет! Как поживаете? Кто вы и откуда взялись? – прогудели из сундука басом.

– А вы кто? – спросили Куклавания и Оля.

– Я Пыхалка!

Я здесь живу.

– Я пупс Куклавания...

– А я Оля... А это Синеус и Трувор. Они зайцы и большие трусишки.

– Понятно, понятно... Все зайцы трусишки... – Новый знакомый вылез из сундука.

Куклавания осветил его фонариком и ойкнул от неожиданности. Зелёная чешуйчатая голова на короткой шее. Неуклюжие расползающиеся лапы. Небольшие крылышки и гибкий хвост с зазубринами. Размером он был со средних размеров собаку.

– Не понял... Ты что, крокодил? – недоумённо поинтересовался Куклавания.

– Какой крокодил? Дракон! Самый настоящий! – воскликнула Оля.

Глава третья

ДРАКОНЧИК ПЫХАЛКА

Да дракон я, дракон... Не надо меня освещать, глаза режет! – шурясь, ворчливо подтвердил Пыхалка.

– А мы не знали, что драконы на самом деле существуют! Мы думали, они выдумка, – удивилась Оля.

– Сами вы выдумка! Так про каждого можно сказать, что он выдумка. И про вас в первую очередь, – возмутился дракончик.

Куклавания с извиняющейся улыбкой дотронулся пальцем до его блестящей чешуи.

– Ух ты! Не подделка! Я думал: ты чучело. Хорошо всё-таки, что мы тебя нашли!

Пыхалка раздражённо хлестнул себя по боку хвостом:

– Ничего вы меня не находили, потому что я и не терялся. Я спал в сундуке.

– И долго ты тут спал? – спросила Оля.

– Недолго. Лет так девяносто или сто. Точнее не помню: у меня не было с собой календаря.

– Ого-го! – удивились зайцы. – Это очень-преочень давно! Наверное, вы старый?

– Совсем я не старый. Я ещё маленький. Я потерял маму. Поплакал немножко, потом устал и залез спать в сундук. Вы мою маму случайно не видели?

– А какая она, твоя мама?

– Такая красивая-красивая! Похожа на меня, только больше...

– Нет, мы её не встречали. Мы драконов только на картинках видели, как их Добрыня Никитич побеждал, – заявил пупс.

– Неправда всё это. Никогда он нас не побеждал. Мне про это дедушка рассказывал. Добрыня приехал, увидел дедушку, почесал в затылке, извинился и уехал.

– А куда тогда все драконы подевались? Почему их теперь нигде не встретишь? – допытывался Куклавания. Он стоял к Пыхалке ближе остальных и недоверчиво разглядывал его.

– Попрытались. Мы и сто лет назад прытались. Драконы могут делаться невидимыми или превращаться в разные предметы, но только когда они уже взрослые, – пояснил Пыхалка.

– А ты не можешь?

– А я не могу. Я ещё маленький.

– Ничего себе маленький! Сто лет! – фыкнула Оля.

– Я не виноват, что мы, драконы, ужасно долго растём... Что-то я проголодался. Я уже лет сто ничего не ел и теперь могу съесть всё что угодно, – сказал Пыхалка.

Синеус и Трувор задрожали.

– В-всё что угодно? Ой, мамочки!

– Мы принесли бутерброды. Ты хочешь бутерброд, Пыхалка? – спросила Оля.

– Хочу. А что это такое?

Оля рассмеялась. Она думала: все знают, что такое бутерброды. Она достала их из рюкзака и протянула Пыхалке. Дракончик мигом проглотил бутерброды вместе с пакетом. Мордочка у него приняла озадаченное выражение:

- Кажется, мы этого шуршащего не едим!
- А ты развернуть не пробовал? – поинтересовался пупс.
- Всё равно невкусно.

Голодного дракончика решено было отвести на кухню к холодильнику. Пыхалка вначале щурился от дневного света, но вскоре привык и стал с интересом оглядываться:

- Где это мы? Чья это нора?
- Это коридор. Он начинается входной дверью и заканчивается кухней, – объяснили зайцы.

– Здорово придумано! Не заблудишься. Иди себе по коридору и рано или поздно попадёшь на кухню, – обрадовался дракончик.

Он разбежался, замахал крыльями, с трудом взлетел и головой открыл дверь кухни.

– Смотри: это холодильник, – сказали зайцы. Обычно зайцам самим всё объясняли. Теперь же им было приятно ощущать себя умными.

Дракончик вытянул шею, ухватился зубами за ручку и щёлкнул дверцей. Накануне мама с Машей ходили в магазин и купили продуктов на целую неделю. Чего тут только не было! Молоко, сырки, колбаса, ветчина, апельсины, кастрюля с диетическим супом для мамы и бутылка настойки, которую принимал «для пищеварения» папа.

Некоторое время дракончик изучал всё это, а затем спросил:

- И где здесь еда? Тут только какие-то коробочки и баночки!
- Еда внутри. Только сначала вымой руки! – велела Оля.

Она знала Пыхалку совсем недавно, но уже раскомандовалась.

– Руки? – удивился дракончик. – У меня нет рук! У меня только ноги, но зато целых четыре!

Оля задумалась.

– Ну хорошо! Вымой ноги! – сказала она.

– Чепуха-чепуховина! Где это видано, чтобы перед едой мыли ноги? Может, ты ещё скажешь уши? – возмутился Куклавяня.

– Кое-кому, пупсина, и уши вымыть не помешало бы! – съехидничала Оля.

Куклавания показал ей язык.

– Кушать хочу! Я кушать хочу! – забасил Пыхалка.

Оля заглянула в холодильник:

– Суп будешь?

Пыхалка осторожно лизнул суп и замотал головой.

– Тогда котлету? Котлета должна тебе понравиться.

Дракончик откусил кусочек и поморщился:

– Нет, не хочу котлеты.

В ближайшие три минуты обнаружилось, что Пыхалка не ест ни хлеба, ни картошки, ни колбасы, ни сосисок. Однако пупсу больше всего понравилось, что дракончик не любит варенье.

– Подожди, я посмотрю, что ещё можно найти! – сказала Оля и подошла к кухонному шкафчику.

Куклавания воспользовался её отсутствием и решил напроказничать:

– Я знаю, что нравится драконам. Попробуй горчицу, Пыхалка! Она очень вкусная! Только нужно проглотить сразу много.

«Не надо, не надо!» – хотели закричать зайцы, но не успели.

Голодный дракончик мигом слизнул всю горчицу из баночки. Однако вместо того, чтобы подскочить под потолок, как ожидал Куклавания, Пыхалка довольно облизнулся и выпустил из носа струю пламени.

– Ого! Раньше у меня так не получалось. Вкуснятина! Пожалуй, я бы смог съесть ещё! – воскликнул он.

– Почему палёным пахнет? Спички зажигали? Вот я вас! – вернувшись, строго спросила у зайцев Оля.

– Это не мы! Это Пыхалка! Куклавания накормил дракончика горчицей, и он как задышит огнём! Пыхалка и сам не знал, что умеет.

– Ага! Это я! Правда, у меня здорово получилось? – похвастался дракончик.

Оля увидела пустую банку с горчицей и стала грозно надвигаться на Куклаванию. Пупс мигом спрятался за дракончика.

– Ты не поняла, кукла! Ему понравилось. Все драконы питаются горчицей.

– Правда-правда! И ещё красным перцем в стручках. Потому мы и дышим огнём, – подтвердил Пыхалка.

– Тебе повезло, пупсоид, а то бы я тебя вздула за горчичный десерт! – Оля перестала гоняться за Куклаванией. Поняв это, пупс храбро выглянул из-за спины дракончика.

– Ну, положим, это ещё неизвестно, кто бы кого вздул, – заявил он.

Пыхалка и его новые друзья перекочевали из кухни в комнату и устроили комнатные Олимпийские игры. В прыжках отличились зай-цы Синеус и Трувор. Они могли легко перескочить через дракончика. Пупс прыгал не так хорошо, зато замечательно кувыркался. Его круглое тело было идеально создано для кувырков. Пыхалка летал по кухне, как неуклюжий тяжёлый шмель, и едва не разбил лампу.

Кукла Оля боялась запачкать новое платье и просто хлопала в ладоши и смеялась, глядя на то, как веселятся другие. Вдруг она вспомнила, что скоро вернутся с работы мама и папа. Взрослые будут ругать Машу, что она разбрасывает игрушки, а значит, нужно привести комнату в порядок.

Пыхалка помялся немного и спросил:

– Можно, я буду жить вместе с вами в комнате? А то в кладовке одному скучно!

Куклавания и Оля переглянулись и согласились.

– Конечно, можно. Только будь осторожнее. Тебя никто не должен видеть, – сказала Оля.

– Почему? – спросил Пыхалка.

– Почемушто! – перебил Куклавая. – Увидят – заберут в зоопарк, посадят с головой в пробирку и будут изучать. Люди, они такие.

– А Маше мы про Пыхалку расскажем? – хором спросили зайцы.

Пупс замотал головой.

– Пока нет. Она хоть и большая с виду, но девчонка, а от них всякого можно ожидать.

Кукле Оле нападки на девчонок не понравились.

– Но мы не можем говорить неправду! Врать нехорошо, – возразила она.

– Кто врёт? Врать – это говорить о том, чего не было. А когда не говоришь о том, что было, – это КОН-СПИ-РА-ЦИЯ.

– Тогда понятно. Это совсем другое дело. Тогда мы никому не скажем, – пообещали зайцы.

Они любили сложные слова тем больше, чем меньше понимали их смысл.

– Ура! – закричал Пыхалка. – Я буду жить в комнате! А когда кто-нибудь придёт, спрячусь. Ага?

– Угу, – заверил его Куклавая.

Глава четвёртая ПРО ТО, ЧТО УМЕЕТ КАЖДЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ДРАКОНЧИК

Вечером на зелёном ковре перед домиком куклы Оли собрались все игрушки, чтобы отметить переселение дракончика Пыхалки в комнату. Оля суежилась на кухне. Синеус и Трувор были на подхвате: носили ложки, вилки, вазочки с вареньем, печеньем и соленьем, рыбные консервы для кошки Дуси и баночки с горчицей для Пыхалки.

Тем временем Дуся учила дракончика хорошим манерам. Она нашла Пыхалку забавным, но немного неотёсанным и немедленно занялась его воспитанием.

– Как ты ходишь? Топаешь, как носорог! Ходить надо вот так... Лапки переставляются мягко и осторожно!

И Дуся изящно прошлась по коврику.

– Не-а. Если я буду так ходить, то как же моё устрашающее драконье сопение? Все драконы сопят. Иначе они не могут, – проворчал Пыхалка.

– Ты упрямый, как носорог!

Носорог был единственным диким зверем, известным Дусе. Когда-то она увидела его на картинке в детской книге и хорошенько запомнила. С тех пор носорог стал для неё источником отрицательных примеров на всю жизнь. «Ходишь, как носорог», «глупый, как носорог», «лакает молоко, как носорог», – то и дело повторяла кошка.

«Непонятно, с чего это московскую кошку заиклило на носорогах. Дуська, смотри не выскочи замуж за носорога! С тебя станется!» – заметил как-то Куклавания и немедленно получил за это по лбу. Лапка у кошки Дуси была хоть и мягкая, но тяжёлая.

В настоящий момент Куклавания сочинял поэму, которую собирался прочитать на праздничном обеде. Поэма была ужасно упрямая и никак не желала сочиняться. Куклавания грыз карандаш и мучился.

– Назови мне рифму к слову «дорожке»! – толкнул он в бок Олю.

– Отстань. Не видишь: я занята! – кукла намазывала варенье на хлеб.

– Ничего ты не занята... Это я занят. Творить стихи – это тебе не варенье по хлебу размазывать.

– Вот и твори их молча. А то останешься без бутербродов, – огрызнулась кукла Оля.

Когда приготовления были закончены, всех пригласили к столу. Зайцы уселись на маленькие табуретки с резными ножками, Оля – на кресло, Куклавания залез на спину к кошке, а дракончик положил тяжёлую голову на край стола.

Каждый скользил взглядом по столу, прикидывая, с чего начать. Дракончик нежно смотрел на банку с горчицей. Синеус и Трувор застенчиво угощали друг друга морковкой. Кошка Дуся мечтательно, как розу, обнюхивала рыбку из консервов.

– Постойте! Я закончил поэму! – крикнул вдруг пупс.

Куклавания встал в позу, вытянул вперёд правую руку, откашлялся, взъерошил спутанную рыжую шевелюру и надрывно заголосил:

*Шли кошки по дорожке,
Переставляя ножки,
А рядом таракашки
Купались в манной кашке.*

Игрушки захлопали в ладоши.

– Неплохо! Совсем неплохо. Хорошее стихотворение. Молодец!

Куклавания скромно потупился.

– Я посвящаю своё четверостишие дракончику Пыхалке.

Дракончик растрогался.

– В самом деле? Очень мило с твоей стороны. Ты не мог бы прочитать ещё разик, а то в первый раз я не слушал. Я же не знал, что стихо-творение мне посвящено, – признался он.

– А почему хвалил? – спросил пупс хмуро. – Ну ладно, слушай!

*Шли кошки по дорожке,
Переставляя ножки,
А рядом таракашки
Купались в манной кашке.*

Куклавания повторил четверостишие ещё три раза, и с каждым разом оно казалось ему всё более удачным.

– Читаю и плачу! Даже не верится, что это я его написал, – сказал он.

Стихотворение пупса всем пришлось по душе. Дусе понравилось, что Куклавания упомянул кошек. Зайцам – что всё в рифму и, главное, никого не съедают и не убивают. Одна Оля была недовольна таракашками. Это показалось ей негигиеничным.

– Давайте обедать! Нечего откладывать! Да здравствуют пироги с капустой и морковкой! – закричали зайцы.

– Какой замечательный сегодня день! Сегодня я проснулся, сегодня мне посвятили замечательное стихотворение и я нашёл друзей! – воскликнул дракончик, погружая в горчицу длинный раздвоенный язык.

– Мы тоже рады, что тебя нашли и ты стал нашим другом! – заверила его Оля.

– А ещё больше мы рады, что ты не ешь варенья, – добавил Куклавания, облизывая ложку.

Едва обед был закончен и тарелки убраны, все услышали скрежет ключа в замке и голоса в коридоре.

– Это люди! Прячься скорее! – закричали Пыхалке.

Дракончик заметался по комнате, отыскивая, куда скрыться. Пыхалка так суетился, что уронил стул и наделал много шума.

– Что там упало в комнате? – спросила мама из коридора.

– Наверное, кошка опять чего-нибудь разбила. Сейчас посмотрю, – ответил папа.

Ручка двери стала поворачиваться.

Зайцы испуганно прижались друг к другу и закрыли глаза. Оля замерла и притворилась обыкновенной куклой в белом кружевном платице с кармашком на передничке и большим голубым бантом. Куклой, которая говорит: «Ма-ма!», когда её переворачиваешь головой вниз. Но всё же, прежде чем дверь отворилась, Куклавания сдёрнул с кровати плед и накинул его на Пыхалку, чтобы хоть как-то спрятать дракончика.

Папа вошёл в комнату и огляделся.

– Похоже, это кошка. Она прыгнула на спинку и опрокинула стул! – сказал он.

– Мяу! Мяу! – потёрлась о его ногу Дуся.

В присутствии людей Дуся произносила только «мяу!», так как была уверена, что далеко не всякий достоин знакомства с говорящей кошкой.

В комнату вошла мама. Она сразу заметила плед на полу. Ей даже показалось, что под ним что-то пошевелилось.

– Ой! Там что-то есть! – вскрикнула она.

Куклавания приоткрыл один глаз и увидел, как плед приподнимают за край. Пупс зажмурился, представляя, что сейчас будет. Крики, удивление, испуг, а потом приедет кто-нибудь из зоопарка и увезёт Пыхалку.

– Да тут никого нет! Просто плед валяется... Тебе показалось, – услышал он.

– Но я видела! Там что-то было!

– Ты устаёшь на работе, дорогая. Давно пора брать отпуск, или, пожалуй... бросай её совсем, эту работу...

– Да, но ты же знаешь... – голоса стали удаляться.

Папа и мама ушли, продолжая вести свои взрослые, неинтересные разговоры. Игрушки облегчённо вздохнули.

– Пронесло! Но где же Пыхалка? Куда он подевался?

Куклавания и зайцы обошли комнату, заглядывая во все щели. Дракончик как сквозь землю провалился. Пупс даже на всякий случай порылся у себя в карманах, а Оля заглянула в чайные чашки. Дракончика не было и там.

– А вдруг он нам приснился? – предположил Синеус.

– Точно приснился! Иначе куда бы он подевался? – согласился Трувор.

Оля и пупс только руками развели. Они ничего не могли понять. Неожиданно сверху раздался звонкий смех. Игрушки подняли головы и ничего не увидели. Лишь самый обыкновенный потолок. Но что это? Откуда взялась ещё одна люстра? Разве их было две? И в самом деле, на потолке было две люстры, одинаковых, как близнецы.

– Здравые-здравые! Вы меня не узнаете? – радостно сказала вторая люстра.

Она шлёпнулась на пол, но не разбилась, а превратилась в сияющего дракончика.

– Я и не знал, что умею выделять все эти штуки. Где вы меня только не искали! В карманах даже! Ха-ха! Думали, я вам приснился?

– Но как это у тебя получилось?

– Я превратился! – с трудом выговорил Пыхалка сквозь смех. – Стал невидимым, а потом превратился. Послушайте, если у меня получилось, значит, я уже вырос! Вырос, пока спал в сундуке.

– С ума сойти! Мне бы так! – завистливо сказал Куклавания.

– У тебя, пупсина, на такое таланта не хватит, и не пытайся, – засмеялась Оля.

Глава пятая ОЧЕНЬ СЛОЖНЫЙ СТАРИКАШКА

Нередко по выходным родители уходили в гости, а Машу оставляли дома одну. Они считали её достаточно взрослой, чтобы один вечер в неделю занять себя самостоятельно. Но всем известно, как скучно бывает длинным-длинным вечером, когда никого больше нет, уроки сделаны, а все кассеты и диски с мультиками уже пересмотрены по восемьдесят раз. Оно, конечно, можно бы почитать книжку, но кто же станет читать, когда этого никто не видит и не может похвалить.

И вот в одну из суббот Маша сидела в кресле и гладила Дусю. Кошка сонно мурлыкала. Маша скучала и не знала, чем ей заняться. Она чуть было не начала плакать от безделья, как вдруг услышала под кроватью возню, и оттуда выбежал (кто бы вы думали?) Куклавания. За ним с поварёшкой, занесённой над головой, гналась Оля.

– Скверный пупсина! Зачем ты подсыпал мне в кашу стирального порошка? Я уже час пускаю мыльные пузыри! – кричала она.

Тут кукла и пупс заметили Машу и замерли.

– Вы, вы настоящие! Вы можете говорить! – воскликнула Маша вне себя от удивления. И замолчала в нерешительности. Она не знала, что ей делать: сердиться, что игрушки раньше не открыли ей свой секрет, или радоваться, что теперь ей всегда будет с кем поиграть.

– Привет, Маша! Как твои делишки, как твои детишки? – крикнул Куклавания.

– В жизни не встречала никого, способного наговорить столько глупостей за одну минуту! Ой! – Оля выпустила мыльный пузырь.

Маша присела на корточки возле спорящих игрушек:

– А вы забавные. С вами всегда можно поиграть!

– Это точно. И даже прямо сейчас. Пойдём покатаемся на лифте! Вверх-вниз, вверх-вниз, – предложил пупс.

Маша засомневалась.

– Не знаю. На меня оставили квартиру. Сказали, чтобы я присматривала за кошкой и никому не открывала дверь.

– Дешёвые отговорки! Не хочешь с нами играть – так и скажи. А дверь ты никому не будешь открывать. Как можно открыть кому-то дверь, когда сам катаешься на лифте?

– А кошка? Как я буду присматривать за кошкой?

– А кошку мы возьмём с собой в лифт. Обогастит свою кислую жизнь новыми впечатлениями! – заявил пупс.

Маша, кукла Оля и пупс вышли из квартиры и вызвали лифт. С рук у Маши свешивалась муфточкой кошка Дуся, которая пожелала сохранить в тайне свою учёность и говорила только «мяу!» и «ш-ш!».

Вначале Маша и игрушки просто катались на лифте, но вскоре им это наскучило и они стали шалить. Куклавания придумал звонить подряд во все двери, а как только в коридоре послышались шаги, заскакивать в лифт и уезжать.

В эту игру они играли довольно долго. Было весело. Когда открывались двери и высывалась чья-нибудь голова, проказники уже смеялись в лифте.

– А если кто-нибудь узнает, чем мы здесь занимаемся? – спросила Маша.

Куклавания презрительно отмахнулся толстенькой ручкой.

– Ерунда-ерундовина! Не станут же жильцы дома бегать за нами по лестницам в комнатных тапочках?

Но пупс не учёл, что на свете есть Пирожков.

Куклавания выскочил из лифта на восьмом этаже и, запрыгнув на спинку кошке Дусе, несколько раз настойчиво позвонил у металлической двери.

В квартире, в которую трезвонил пупс, жил Пётр Петрович Пирожков. Пирожков был ужасно сложный старикашка. Стоило Маше немножко пошуметь в комнате или кошке Дусе уронить какую-нибудь тарелку, он начинал стучать по батарее. Пирожков барабанил долго и упорно, а потом прибегал жаловаться родителям Маши, что ему не дают отдохнуть «в честно заработанное время».

– Что ты наделал! Это же квартира Пирожкова! Он сейчас нас поймает! – испугалась Маша.

– Не бойся. Все будет шито-крыто-инкогнито, – успокоил её Куклавания.

Услышав звонок, Пирожков метнулся к глазку. Дверной глазок был любимым обзорным пунктом Петра Петровича. Даже когда звонили не в его квартиру, а в соседнюю, он и тогда подсматривал, что и как. Однако сейчас в глазок он ничего не увидел и понял, что тот, кто прячется за дверью, маленького роста. Подбежав к двери и распахнув её, Пирожков успел заметить, как чьи-то ножки забежали в лифт, который быстро тронулся вверх.

«Это противные соседские ребяташки шалят. Ну я им устрою! Подкараулю, схвачу, а потом отведу к родителям!» – решил Пирожков.

И он стремительно кинулся по лестнице вверх, догоняя лифт.

– Вот я вам покажу! Будете меня помнить до выписки из больницы, маленькие гады! – кричал Пирожков.

Маше стало жутко, и она укоризненно посмотрела на пупса. Маша была осторожная девочка и жалела, что они затеяли всё это. Но Куклавания, кажется, ни чуточки не переживал.

– Игра только начинается! Сейчас мы устроим забег старичков в тапочках в обратном направлении! На старт! Внимание! Марш! – сказал он.

Пупс нажал кнопку «Стоп» и отправил лифт вниз.

– Откуда ты знаешь, на какие кнопки нажимать? – удивилась Оля.

– Я действую методом научного тыка. Нажимаю на все кнопочки подряд. Авось какая-нибудь и подойдёт, – пояснил Куклавания.

Пупс остановил лифт на восьмом этаже и принялся настойчиво трезвонить в квартиру Пирожкова. Тем временем Пирожков, коварно притаившийся на последнем этаже, ждал, пока дети подъедут поближе. Он услышал звонок в квартиру и сообразил, что его провели. К тому же Пирожков вспомнил, что забыл закрыть дверь и даже ключей с собой не взял. Он помчался вниз по лестнице, крича: «Вот я вам покажу! Вас и ваших родителей вообще отсюда выселят, помяните моё слово!»

Пока Куклавания звонил в квартиру Пирожкова, лифт уехал. Проказники быстро осмотрелись, куда бы им спрятаться. Топот по лестнице приближался. Казалось, Пирожков вот-вот свалится им на голову. В последнюю минуту Маша, Дуся, Куклавания и Оля успели спуститься на несколько ступенек и притаились за мусоропроводом.

Пирожков, тяжело дыша, прибежал на площадку и огляделся:

– Куда они подевались? Всё равно узнаю кто!

И он помчался к себе в квартиру, чтобы увидеть из окна, когда проказники будут выходить из подъезда.

Маша с облегчением вздохнула.

– Ух, пронесло! Чуть не попались! Больше не буду играть в эту дурацкую игру!

Куклавания согласно закивал:

– Хорошо, в эту не будем! Поиграем в потягунчики.

Прежде чем Маша успела остановить расшалившегося пупса, он мигом вытянул из мусоропровода обрывок толстой верёвки и за ручки прочно связал две противоположные двери – в квартиру Пирожкова и ту, что напротив. Обе двери открывались внутрь, и когда начинали тянуть одну, другая тем самым захлопывалась.

– Сейчас начнётся самое интересное! – воскликнул пупс и позвонил в обе квартиры.

А нужно сказать, что в квартире напротив жила продавщица из молочного отдела гастронома по фамилии Авдохина. Это была жилистая усатая женщина с пронзительным голосом, которая умела кричать так громко, что даже Пирожков её боялся.

Авдохина и Пирожков всё время ссорились и нередко шпионили друг за другом в дверные глазки. Они были так похожи, что никак не могли ужиться.

Когда Авдохина услышала звонок, она подошла к двери и резко дёрнула ручку на себя. Незадолго до того она слышала на лестнице возмущённый голос Пирожкова и теперь решила, что он пришёл ругаться. Однако дверь не поддавалась. Ей мешала верёвка.

– Ах так! – крикнула Авдохина и с силой налегла на ручку. Но ей удалось только самую малость приоткрыть дверь. Этим она захлопнула дверь Пирожкова, который тоже попытался выглянуть на площадку.

«Ага, попались! Держат дверь снаружи! Теперь не успеют удрать!» – восторжествовал Пирожков.

Он упёрся ногами в порог и принялся тянуть на себя. Авдохина ощутила напряжение по ту сторону и, не уступая, повисла на двери всей тяжестью.

Игра в перетягивание каната началась! Куклавания стоял посередине между дверями соседей, слишком низенький, чтобы его можно было увидеть в глазок, и с интересом наблюдал за происходящим.

Стоило Пирожкову или Авдохиной приналечь как следует, как его дверь немного приоткрывалась. Но только самую малость, так как верёвка было короткой.

– Ну держитесь! Вот я вас! – громко воскликнул Пирожков.

Авдохина услышала этот возглас и решила, что это сосед не выпускает её из квартиры.

– Ах ты, чучело огородное! Совсем из ума выжил! Вот я до тебя доберусь! – крикнула она.

Пирожков узнал голос Авдохиной и во всём обвинил её. Он даже смутно заподозрил, что это Авдохина каталась на лифте и дразнила его.

– Вот я тебе задам, хулиганка! А ещё взрослая женщина! Отпусти сейчас же дверь! Ругать тебя буду! – проорал Пирожков сипящим от возмущения голосом.

Куклавания посмотрел на Машу и тихо спросил, как ей нравится новая игра. Маша покачала головой и погрозила пупсу пальцем. Впрочем, она была рада, что им удалось подшутить над Пирожковым, который вечно досаждал её родителям.

– Отпусти немедленно дверь! Я тебе приказываю! – кричал Пирожков.

– Сам отпусти! – повизгивала Авдохина.

Привлечённые шумом, из других квартир стали выглядывать жильцы. Игру пора было прекращать. Воспользовавшись короткой передышкой Авдохиной и Пирожкова, которые совсем выбились из сил, пупс отвязал от ручек верёвку, а сам вместе с Машей, кошкой и куклой Олей юркнул к себе в квартиру.

Там шалунишки приложили уши к двери и прислушались. Случилось так, что Авдохина и Пирожков разом дёрнули двери, рассчитывая внезапным натиском захватить соперника врасплох. Они выскочили на площадку и столкнулись нос к носу. Каждый решил, что поймал другого на месте преступления.

Что было дальше, Маша не успела узнать, потому что папа и мама вернулись из гостей. Девочке не хотелось, чтобы родители узнали, что она выходила из квартиры в их отсутствие. Они бы всё равно не поверили, что всё затеяла не она, а пупс Куклавая. Родители многого не понимают, а жаль. Ведь они тоже когда-то были детьми.

Глава шестая

ДОБРАЯ СКАЗКА ДЛЯ ЗАЙЦЕВ

Зайцы Синеус и Трувор никогда не засыпали без сказки. Каждый вечер перед сном Маша или кукла Оля рассказывали им ставшие привычными истории про Красную Шапочку, Золушку или Кота в сапогах. Но в тот вечер Маши не было дома: она осталась ночевать у бабушки, а куклу Олю взяла с собой. Зайцы хныкали и не хотели ложиться спать без сказки. Под конец их нытьё надоело Куклаване, который любил вечерком посидеть в тишине.

– Всё! С меня довольно! Будет вам сказка! Всем лечь в кровать и закрыть глаза!

Пупс заложил руки за спину и принялся расхаживать по комнате. Зайцы тихо лежали в своих постельках-варежках и ждали обещанной Куклаваней сказки.

– Чем вам обычно забивает головы эта глупая кукла?

– Жил-был мельник, и было у него три сына. Старшему он оставил мельницу, среднему осла, а младшему кота в сапогах... – пролепетали зайцы. Они знали всё наизусть, однако сами себе рассказывать сказки по странной причине не могли.

Куклавания расхохотался:

– В чём кота? В сапогах? Чем только не дурят детям головы! Пробовал я как-то обуть кошку Дусю, думал, она меньше будет царапаться, и что же? Дуська чуть всю вату из меня не вытормошила!.. Нет уж, дудки! Сегодня я расскажу вам другую сказку.

Зайцы наострили ушки. Куклавания начал рассказывать:

– У одного старикана типа нашего Пирожкова в квартире было много пыли. Пыль лежала на полу, на диванах и даже в закрытых ящиках стола. Как-то утром старикан встал и увидел в пыли следы маленьких ножек, обутых в ботиночки с крошечными гвоздиками. Следы вели в кухню к сахарнице. Было похоже, что ночью здесь прошли десять маленьких человечков.

Вечером старикан положил на кухонный стол десять конфет. Девять нормальных, а одну отравленную. Ночью конфеты исчезли. А на следующее утро к сахарнице вели следы только девяти пар маленьких ботиночек... Зайцы, закрыли глаза, я сказал!

Старикан положил ещё одну отравленную конфету. Прошёл день, и следов стало меньше. Он отравил ещё конфету, и ещё, и ещё. Так раз за разом он травил конфеты, пока однажды не увидел один-единственный след. Цепочка следов грустно пересекала пыль и вела к окну. Больше к сахарнице никто не приходил.

Куклавания закончил сказку, зевнул и посмотрел на зайчиков, уверенный, что те уже спят. Ничего подобного. Зайцы тихо дрожали в своих кроватках-варежках.

– Ра-ра...

– Что ра-ра...? Будете меня бояться, я вас отшлёпаю!

– Расскажи нам лучше про Золушку, Куклавания! – робко попросили зайцы.

Пупс поморщился.

– Ну хорошо. Напомните мне, про чего там.

– Жила-была Золушка. Мачеха и две её дочери заставляли Золушку много работать и не разрешали ходить на бал во дворец. Во дворце жил принц... – подсказали зайцы.

– А Золушке, стало быть, хотелось замуж, как нашей Дуське. Да? – перебил пупс.

– Да. Откуда ты знаешь? – удивились зайцы.

– Всегда одно и то же! Ну так слушайте продолжение. Золушке надоело, что её держат за дуру и мешают развлекаться. Она хватъ хрустальной туфлей мачеху по лбу. Туфля, понятное дело, вдребезги. А потом Золушка заперла сестриц в подвале, а сама побежала на бал. Там она быстренько окрутила принца и обтяпала своё дельце.

– Какое дельце? – удивились зайцы.

– Ясно какое. С принцем. Тот ещё была фрукт
эта ваша Золушка!

Куклавания зевнул и посмотрел на Синеуса и Трувора в надежде, что их тоже клонит ко сну. Но не тут-то было. Зайцы тихонько хныкали в своих варежках, но засыпать не собирались.

– Оля нам не так рассказывала! А-а!

Пупс пришёл в крайнее раздражение и запрыгал на месте:

– Ну что вам ещё надо? Хотите, я расскажу про вампиров или про Синюю Бороду?

– Оля нам про них не рассказывала! А-а!

– Надоели вы мне со своей Олькой и со своими сказками! Последний раз спрашиваю: будете спать или нет? Даю вам три минуты! Две уже было! Не заснёте – позову Фреддика с пилой! И он вас распилит на кусочки! – пригрозил Куклавания.

Можете представить себе, что тут началось. Такого громкого визга пупс никогда не слышал. Обычно Синеус и Трувор только чуть-чуть похныкивали, а тут – такая буря! Куклавания едва не оглох. Он заметался по комнате, не зная, что предпринять. На его счастье, Дуся, разбуженная громким плачем, пришла и успокоила зайцев. При этом кошка высказала Куклавание всё, что о нём думала, и даже много такого, чего и не думала. Оказалось, что в целом кошка была о пупсе не самого высокого мнения.

Куклавания обхватил голову руками:

– Ты мне всю душу вымяучила, противная Дуська! Нет уж, дудки! В другой раз сами рассказывайте сказки! В печёнках у меня уже сидят эти ваши Золушки!

Глава седьмая

КОШКА ДУСЯ ВЛЮБИЛАСЬ

Кошка Дуся жила по чёткому расписанию. Днём она спала, а вечером играла с Машей: прыгала на руки, ласкалась, тёрлась о ноги или снисходительно забавлялась со скомканной в шар газетой. Делала вид, что верит, будто этомышь. Только двух игр Дуся терпеть не могла: она не любила, когда её дергают за хвост или запрягают в тележку. В этих случаях Дуся взъерошивалась и начинала шипеть, а однажды поцарапала противного мальчика Петю, который попытался засосать Дусю в пылесос.

Но, проснувшись однажды утром, Оля застала кошку в странном настроении. Дуся ката-лась по полу и истошно орала каким-то особым хриплым мявом.

– Что с тобой? Ты ушиблась? У тебя болит голова? Ты подвернула лапку? – участливо спросила Оля.

Дуся приподняла голову и посмотрела на неё мутным взглядом.

– А, это ты! Хорошо, что ты пришла, хотя, в сущности, могла бы и не приходить.

– Почему? – удивилась Оля. – Ты же сама приглашала меня вчера! Ты была такая весёлая. Что случилось? Ты простудилась? Я же предупреждала: нельзя лежать на сквозняке.

Дуся вздохнула.

– Какое там простудилась! Ты умеешь хранить секреты?

– Умею. Я много умею: шить, стирать, готовить обед, убирать квартиру... – загибая пальцы, честно начала перечислять кукла.

– Всё с тобой ясно! Ну да я тебе всё равно расскажу! Я влюбилась, – печально промурлыкала кошка.

– Да что ты! В кого? – обрадовалась Оля.

– В одного кота. Ты его не знаешь, – сказала Дуся.

– А кто он, этот кот?

– Да никто... Так, ничего особенного...

– Совсем ничего?

– Совсем. Ну да не в этом дело. Я его люблю.

Оля затрясла кудряшками.

– Ничего не понимаю! У меня в голове полная неразбериха!

– Неудивительно. У тебя же там ничего нет. Одни дырочки для волос, – фыркнула Дуся.

Оля не обиделась. Слишком любопытно было разузнать подробности Дусиной любви. Зачем и почему нужны были ей эти подробности, она и сама не знала, но они были почему-то важны для полуторагодовой куклы с голубыми, как у всех кукол, глазами.

– А где ты встретила этого кота? Ты же всё время дома, – спросила Оля.

Дуся перевернулась на живот, положила голову на передние лапки и тяжело-тяжело вздохнула:

– Я его в окно увидела. Он на соседней крыше пел серенады.

– Чего пел?

– Серенады.

Песни такие.

– И хорошо пел?

– Хуже некуда. Совсем скверно, – призналась Дуся.

– И ты влюбилась? Услышала эти самые соли-не-надо и влюбилась? – кукле Оле становилось всё интереснее.

– Надо же в кого-нибудь влюбиться. Весна ведь, – уныло заметила кошка.

– А какой он, твой кот? Красивый?

– Какое там! Обыкновенный беспородный кот. Небось живёт на помойке и питается рыбьими хвостами, – Дуся передёрнулась.

– А что ты в нём нашла?

– Ничего я в нём не находила. НИ-ЧЕ-ГО! Я в него просто влюбилась! Ты, кукла, совсем глупая! – крикнула кошка.

Дуся вскочила и в беспокойстве стала метаться по комнате. Она всё обнюхивала, вскакивала на стулья, принималась кататься по полу и драть когтями диван. Аккуратной Оле такая любовь совсем не нравилась. На её вкус она была слишком беспокойная.

– И чего ты маешься? Неужели нельзя любить тихо? Свернись себе клубочком у батареи и люби! – посоветовала она.

– Я страдаю. Разве ты не понимаешь, что я страдаю? Я просто места себе не нахожу!

– А в кого-нибудь другого нельзя влюбиться? Почему в него? Потому что он пел соли-не-надо?

– Ты не понимаешь! – замотала головой кошка. – Он здесь вообще ни при чём. Если бы его даже не было на крыше или если бы он не пел серенады, я бы всё равно влюбилась. Это всё весна, понимаешь?

Оля поправила бант.

– Смутно. Это, выходит, я должна влюбиться в Куклаванию только потому, что сейчас весна?

Дуся хлестнула хвостом.

– Ты-то тут при чём? Ты ещё маленькая. А твой Куклавания просто незрелый пупс. Любовь, она только у взрослых. Просто иногда очень хочется влюбиться, и влюбляешься, а так что? Пустяки!

Тут мордочка кошки опять стала отрешённой, и Дуся, мяукая, принялась кататься по полу.

– Самое смешное... – проговорила она, переставая кататься. – Самое смешное, что всё это пройдёт. Точно знаю, что пройдёт. Дня через три. У меня такое уже бывало не раз.

Кукла Оля внимательно выслушала Дусю, подумала немного, разгладила передничек. На её спокойном лице вдруг появилось мечтательное и вместе с тем нерешительное выражение.

– Знаешь что... Только ты не смейся! Можно я тоже в него влюблюсь? – выпалила вдруг Оля.

Дуся от удивления даже на время успокоилась:

– В кого?

– В твоего кота.

– Тебе-то зачем?

– Не спрашивай. Только скажи: да или нет? – потребовала Оля, покраснев и надувшись, как воздушный шар.

Дуся помолчала немного, посмотрела на куклу, улыбнулась и промяукала:

– И ты туда же? Ну дело твоё... Влюбляйся на здоровье!

Вечером Дуся и кукла Оля сидели на подоконнике и смотрели, как за многоэтажные дома заходит солнце. Послышалось пыхтение. Это Куклавания карабкался по шторе.

– Ага! Вот я вас и нашёл! Привет, Кушкудуська! Привет, Олька! Что вы тут делаете? – радостно заорал он.

Оля обернулась.

– А, это всего лишь ты, пупс! А мы тут в окно смотрим. Если хочешь, можешь остаться. Только, пожалуйста, не шуми.

– Что я не видел в этом вашем окне? Я в него тысячу миллионов раз глядел... Вот!

И Куклавания прошёлся колесом, высоко вскидывая коротенькие ножки. Оля и Дуся не обратили на пупса особого внимания, и Куклавания, утихомирившись, тоже стал смотреть в окно.

– Ого! – вдруг завопил он. – Я знаю, на что вы глазете! Там опять этот тип моет машину. Вот осёл! Целый день не может остановиться и всё моет, моет... Можно подумать, что он в машину влюбился! Давайте в него цветочным горшком, что ли, зашвырнём. Вот будет весело!

– Влюблён в машину! Как оригинально! – вздохнула кошка Дуся, которая из всей долгой тирады Куклавания услышала только это.

– Куда уж оригинальнее! Обыкновенная жадина! – сказала кукла Оля.

– Ты опять ничего не поняла! Совсем ничего, – отмахнулась лапкой Дуся.

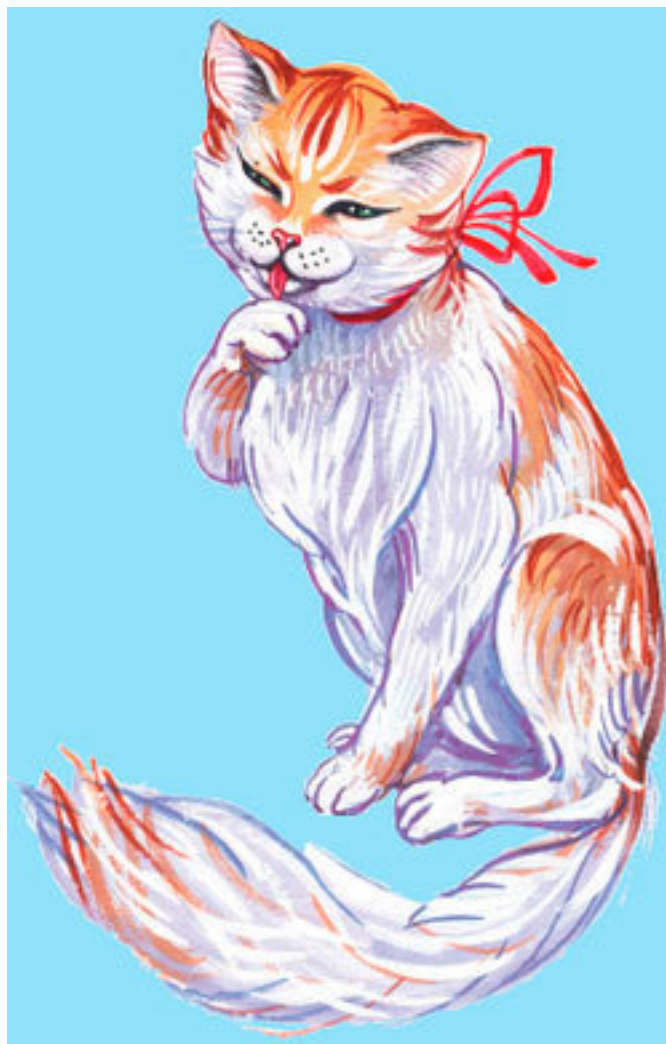
– Почему?

– Неважно, кого любить. Влюбиться можно в кого угодно или даже во что угодно. Не имеет значения объект! Важно состояние! Любовь приходит не потому, что рядом появился действительно кто-то подходящий, а потому, что не может не прийти. Она приходит не снаружи, а изнутри, – сказала Дуся.

– Какая ты умная, Дуська! Ты такая умная, что просто неудивительно, что ты не заму-жем! – восторженно выдохнул Куклавания.

Кошка сердито зашипела.

– Тише, Дуся! Цыц, пупс! Давайте просто глядеть на солнце! – потребовала Оля.

Куклавания и кошка послушались и тоже стали любоваться закатом.

Глава восьмая

КУКЛАВАНЯ И ЕГО ПРОТИВОГОСТЕВАЯ ОБОРОНА

Домик, в котором жила кукла Оля, стоял на подоконнике между цветочными горшками. Имея хорошее воображение, можно было рассказывать всем, что у тебя дом с садом в горах. На перилах крыльца блестели серебряные шишечки. Домик состоял из маленькой комнаты, кухни, чердака и был красиво выкрашен акварельными красками.

Пупс Куклавания жил в старом ботинке 46-го размера. В ботинке всегда был такой же беспорядок, как и в карманах у пупса. Вещи лежали сваленными в кучу, а на самом верху кучи обычно восседал сам Куклавания и приветствовал гостей.

Жилищем зайцев служила коробка из-под печенья, большая, картонная, с прорезанными ножницами окнами и дверями. Изнутри Синеус и Трувор раскрасили её фломастерами и цветными карандашами. Спали зайцы, как вы помните, в варежках. Ночью они часто боялись, и утром варежки приходилось стирать и вывешивать сушиться на настольную лампу. «Детсадом пахнет», – морщился пупс. Кроме того, в коробке у зайцев стоял игрушечный стол и стулья из пустых нитяных катушек. Там же было маленькое зеркальце, в которое любила смотреться кукла Оля, когда приходила в гости.

Как-то утром, проснувшись в кроватках-варежках, зайчики позавтракали морковным салатом, запили морковным соком и решили отправиться в гости. Они взяли за лапки и пошли к Куклаванию. Пупс уже не спал и что-то мастерил.

– Ага! – обрадовался он, увидев Синеуса и Трувора. – Вы-то как раз мне и нужны. Я сооружаю противогостевые ловушки. А ну поддержите-ка эту верёвку!

Пупс подвесил над дверью большую подушку и, довольный, оглядел свою работу:

– Хорошенькая ловушка! Сработает как надо! Гость подумает, что это звонок, дёрнет – и ему на голову свалится подушка... Бабах!

– А гостю не будет больно? Это, наверное, нехорошо швыряться в тех, кто пришёл тебя навестить, подушками? – с тревогой спросили зайцы.

– Ну, так уж и нехорошо! Это называется Э-ТИ-КЕТ. Вся Европа сейчас только этим и занимается, – воскликнул Куклавания.

– Ой! В этой Европе, должно быть, ужасно страшно жить!

– Наоборот, весело. Хозяин дома вначале спускает гостя с лестницы или подливает ему шампунь в чай, а потом вежливо извиняется за причинённые неудобства. А гость говорит: «Ничего-ничего, не беспокойтесь! Приходите ко мне завтра на кружечку яда!»

Пупс забегал по комнате. Он натягивал верёвочки, подвешивал мячи и подушки, прятал под сиденье стула хлопушки и наполнял водой брызгалки. Потом он уселся на пороге и терпеливо принялся ждать.

Наконец самый храбрый из двух близнецов, Трувор, отважился спросить:

– К-куклавания, а К-куклавания, а кого мы ждём?

Пупс повернул к нему рыжую голову.

– Гостей, кого же ещё? Для чего я, интересно, ловушки сооружал?

– А никто не придёт. У Оли сего-дня эта... генеральская уборка. А кошка Дуся спит, и её лучше не трогать. А то решит спросонья, что ты мышь. Настоящих мышей она и в глаза не видела.

В этот момент где-то близко послышались крик и звук падения. Куклавания сорвался с места:

– Что такое? Кто там брякнулся?

Они обогнули кучу хлама и увидели куклу Олю, сидящую в луже и обсыпанную перьями из подушки.

– Откуда ты взялась? У тебя же сегодня генеральская уборка! – подозрительно спросил пупс.

– Я всё уже убрала... А сейчас обо что-то споткнулась, и вот! – заплакала Оля.

– Понятно, – сказал Куклавания. – Не бери в голову и расслабься. Ничего ужасного не произошло... Просто немного этикета. Кстати, а откуда здесь лужа? Лужа здесь не была предусмотрена.

– Это не лужа. Это яблочный кисель, – прорыдала Оля.

– Яблочный кисель? Мой любимый яблочный кисель? – на лице у Куклавани появилось озадаченное выражение.

– Ты давно просил, вот я и сварила.

Пупс топнул ногой.

– Ой! Почему ты раньше не предупредила, что принесёшь кисель? Ну почему? Вечно интриги, вечно от меня всё скрывают! Ты что, Ольга, не могла аккуратнее нести? Кто тебя просил падать?

– Я здесь всегда ходила. Сама не знаю, как это получилось.

– Это, наверное, твоя противогостевая ловушка сработала. Видишь, Куклавания, верёвка натянута! – радостно пояснили зайчики Синеус и Трувор.

Куклавания сделал страшные глаза, однако было уже поздно.

– Ловушка для гостей? – медленно повторила Оля. – Какая ещё ловушка, негодный пупс?

– Так просто ловушечка. Ничего серьёзного. Даже и не ловушечка, а пустячок. Просто верёвочка, коротенькая такая... – забормотал Куклавания, пятясь.

– Ах ты пупсина негодная! Вот я тебе покажу! – закричала Оля.

И она принялась гоняться за Куклаванией, который испуганно удирал на своих коротких ножках, оправдываясь на бегу: «Я не хотел... Это была просто верёвочка! Ай! Не по спине! Лучше по голове: она у меня мягкая!»

– Вот тебе и яблочный кисель! – часто повторял после Куклавая. – А всё из-за этого ЭТИКЕТА. Чтоб я ещё когда-нибудь доверял хорошим манерам!

Глава девятая

ЗАВОЕВАТЕЛИ ИЗ ОБУВНОЙ КОРОБКИ

У Маши был двоюродный брат Петя. Пете было уже десять. Петя жил с мамой и папой в городе Туле, но иногда приезжал в Москву погостить. Петя был вредный. Он дёргал Машу за волосы, обливал из брызгалки, дразнил нюней, дурёхой, мелюзгой и другими неприятными словами. Нельзя сказать, что Маша любила Петю и с нетерпением ожидала его приезда.

В этот раз Петя привёз с собой большую коробку, перевязанную бечёвкой. Казалось бы, коробка как коробка, ничего особенного, но странным было то, что Петя никому не давал в неё заглянуть. С этой-то коробки всё и началось. Случилось это так.

– До чего же противный этот Петя! Вчера он хотел сунуть меня в кастрюлю, а когда я его оцарапала, побежал жаловаться маме. Он не только вредина, но ещё и ябеда, – пожаловалась как-то кошка Дуся.

Пупс закивал.

– Мне тоже не нравится Петя. В прошлый раз он едва не оторвал мне руку. Ему хотелось проверить, крепко ли она пришита. Ну не тупой, нет?

Дракончик Пыхалка носился по комнате, безуспешно стараясь догнать свой хвост:

– Никак не получается! Всё время эта коробка под лапами путается. Интересно, что Петя там прячет? Как ты думаешь, пупс? – спросил он.

Куклавания заявил, что проголодался и не может думать на голодный желудок.

– Пойдём навестим Олю! Как раз успеем к обеду, – предложил он.

– Неудобно как-то... Не можем же мы каждый день у неё обедать! Мы вчера у неё были, – застенялся Пыхалка.

– И позавчера тоже, и позапозавчера, – добавила кошка Дуся.

– Тем более нужно пойти, чтобы не нарушать традицию! – продолжал соблазнять Куклавания, который не хотел идти один, боясь, что Оля его прогонит. – Представьте, какой это для Оли будет приятный сюрприз. Она небось сейчас сидит за столом и размышляет: «Что мне делать с этой банкой горчицы?» Дай, думает, я её выброшу, а то Пыхалка сегодня не придёт. Потом смотрит на рыбные консервы и думает: «Придёт ли сегодня в гости Дуся? Если нет, то я вообще всё повыбрасываю».

Кошка Дуся облизнулась. На мордочке Пыхалки отразилась напряжённая работа мысли:

– Ты считаешь, Куклавания, что у Оли осталась ещё горчица? И она действительно собирается её выкинуть?

– Конечно. Я ещё вчера слышал, как она говорила: «Полный шкафчик этой горчицы! Нужно её повыкидывать, всё равно никто не ест», – вдохновенно сказал Куклавания. Он вовсе не врал. Просто у него голова была так устроена, что он верил всему, что сам говорил.

– Как же она про меня забыла! Побежали скорее. Может, ещё успеем! – испугался Пыхалка.

Кошка Дуся задумчиво потёрла лапкой мордочку:

– Конечно, ты, пупс, многое преувеличил... Ты без этого не можешь, чтобы не насочинять... Но, с другой стороны, Оля и в самом деле может выбросить рыбные консервы. Она иногда бывает такой рассеянной.

Куклавания забрался на спину Дусе, дракончик заработал крылышками, и они направились к домику Оли.

Никто не заметил, как крышка на загадочной коробке отодвинулась. Вначале из неё высунулась голова в блестящей каске, повертелась немного и исчезла. В коробке послышалось шушуканье. Кто-то сказал: «Раз! Два! Три!» – и сразу в одной из стенок появилось большое отверстие, словно коробку кто-то пропилил изнутри.

Из отверстия, озираясь, выбрались три солдатики, которых купили в подарок Пете на день рождения. Несколько дней они прятались в коробке, поджидая удобной минуты, чтобы произвести вылазку и выяснить, нет ли в комнате чего-нибудь, что можно было бы завоевать.

– Громила, игрушки ушли? – прошептал один из солдатиков, озираясь.

Это был кругленький, пухленький человечек в генеральской форме, казавшийся очень воинственным. На голове у него блестела начищенная каска.

– Да, командир! Нет, командир! Не знаю, командир! – отчеканил Громила.

– Помолчи, недотёпа!

– Но ты же сам спросил, ушли ли они. Вот я и говорю...

– Хватит!!! Молчать!!!

– Как хочешь, командир... – обиженно произнёс Громила.

Громила был солдат огромного роста, очень сильный. В руках он держал многоствольный пулемёт, стрелявший канцелярскими кнопками. На поясе у него висело несколько бомб из жевательной резинки. Голова у Громилы была маленькой, и много думать ему было строго противопоказано.

– Хваталка, где они? Куда подевались эти дурацкие куклы? Иди и посмотри! – приказал Генерал.

Хваталка был робот, металлический и блестящий. Руками ему служили клешни, как у краба. Правая клешня – в форме плоскогубцев, чтобы хватать, а левая, как ножницы, чтобы резать. Именно клешней-ножницами робот проделал дыру в коробке, через которую солдатики вылезли наружу. Из железного живота у Хваталки торчало дуло пушки, с ужасной силой стрелявшей липучкой. В спине у робота торчал ключ. Его нужно было заводить каждый час, иначе робот выключался.

– Я не могу, командир! Я не запрограммирован идти и смотреть. Я запрограммирован только хватать! – отрапортовал робот.

– Не солдаты, а недотёпы! Всё приходится делать самому. Никому ничего нельзя поручить! – затопал ногами Генерал.

Хваталка и Громила переглянулись.

– Генерал, а зачем мы вылезли из коробки? – спросил Громила и почесал затылок ручищей.

– Чтобы завоёвывать всё подряд, болван! Вначале мы завоюем эту комнату, и эти кукольные домики будут нашими. Мы построим здесь базу и будем нападать на киоски с мороженым. Дети очень любят мороженое. Мы заставим их выбросить все игрушки. А вместо старых игрушек, разных там мишек, кукол и заек, пусть покупают пистолеты и автоматы!

– Здорово придумано, Генерал! Мне бы до такого никогда не додуматься! – поразился Громила.

– Вот поэтому командир я, а не ты!

– Генерал, игрушки выходят из домика. Через пять минут они будут здесь. Я вижу двух кукол и двух коротышек с большими ушами, – доложил вдруг Хваталка.

– Это кролики, глупая железка! Все в засаду! Когда они подойдут ближе, мы их схватим, – прошептал Генерал.

Громила и Хваталка спрятались в коробку, а Генерал – за ножку кровати.

– Я хорошо спрятался, да, командир? – заорал Громила из своего укрытия.

– Молчи, недотёпа! Они уже близко! – Генерал погрозил Громиле кулаком.

Кукла Оля была рада гостям. У неё, как и предполагал пупс, нашлось чем угостить каждого. Куклавания получил целую кастрюлю яблочного киселя и кекс с изюмом. Для Дуси отыскались рыбные консервы. Для Пыхалки у Оли была припасена баночка замечательной, очень крепкой горчицы. От такой горчицы у кого угодно глаза полезли бы на лоб, но дракончику

она пришлась по вкусу. Он даже засопел от удовольствия. Дуся и дракончик моментально обьелись, и их стало клонить ко сну.

– После обеда не положено гулять! После обеда уважающие себя звери спят! – зевая, промяукала Дуся.

– Вот-вот! А проснувшись, можно сразу поужинать. Мы же растём! – согласился Пыхалка. Он был редкостный соня. В конце концов, проспал же в сундуке сто лет.

И Дуся с Пыхалкой моментально уснули, прижавшись друг к другу.

– Ты их явно перекормила, Олька! Похоже, только меня недокармливают! – заметил Куклавания.

Сказав это, пупс незаметно расстегнул ремень и передвинул его на самую последнюю дырочку. Оля взяла зайцев за лапки и повела их гулять. Куклавания лениво плёлся следом, сунув руки в карманы. Болтая о том о сём, друзья постепенно приближались к тому месту, где прятались Хваталка, Громила и Генерал.

Когда игрушки подошли достаточно близко, Генерал выскочил из-за ножки кровати и выстрелил в Олю из водяного пистолета:

– Ура! Лови их! Никого не выпускать! Всех схватить!

Громила выпрыгнул из коробки, бестолково стреляя из пулемёта и вопя: «Делзы! Делзы!» Когда Громила

волновался, то все звуки перемешивались у него во рту, и он переставал выговаривать «р». Хваталка бешено заработал гусеницами, защёлкал клешнями и устремился к зайчикам.

– Ну держитесь, кроличьи шапки! – лязгал он.

Вначале победа клонилась на сторону солдатиков. Кукла Оля взвизгнула и едва не упала в обморок, когда Генерал забрызгал ей кружевной фартук из водяного пистолета. Громила бросил одну из бомб-липучек, и ноги Трувора моментально приклеились к полу. В ответ Куклавания толкнул Генерала так, что тот упал, запутавшись в своей сабле.

– Помогите! Распутайте меня скорее! – завопил Генерал.

Хваталка, который почти поймал своими клешнями Синеуса, бросил его и помчался помогать Генералу. В это время Громила схватил Куклаванию и поднял его высоко над головой.

– Ишь ты, какой шустрый толстячок! От меня не уйдёшь! – пробасил Громила.

Хваталка, забыв о зайцах, щёлкал клешнями и наседа на Олю. Кукла отталкивала робота от себя и сердито говорила:

– Перестаньте меня трогать! Мы ещё недостаточно знакомы. У вас руки холодные!

Оля случайно нашла на спине у Хваталки ключ и стала его крутить против завода. В роботе что-то щёлкнуло, и гусеницы стали вертеться с разной скоростью так, что робот заколесил кругами. Случайно Оля обнаружила у Хваталки самое уязвимое место.

– Повреждение рабочего механизма! Поломка! Поломка! Поломка! – механически повторял Хваталка.

Куклаване тоже повезло. Когда Громила поднял его над головой, из кармана у пупса выпал молоток, которым пупс колотил орехи, и треснул Громилу по лбу. А из других карманов посыпались железки, банки, жуки в спичечных коробках. Весь этот град обрушился на голову Громиле.

– Калаул! Так нельзя воевать! – заверещал Громила.

Из спичечной коробки выполз жук и укусил Громилу за ухо, а другой жук свалился прямо под пуленепробиваемый жилет и принялся там разгуливать.

– Я боюсь щекотки! Ы-ы-ы-ы! У-уберите эту га-адость! – Громила запрыгал на месте и выронил пупса.

Генерал палил из водяного пистолета в зайцев и Олю, но никак не мог попасть: каска постоянно сползала ему на глаза.

– Стойте! Дайте прицелиться!.. У меня воды мало осталось!.. Ловите их скорее, мои храбрые солдаты! Куда вы, остолопы?

Но Громила уже удирал, волоча за собой пулемёт. За ним катился Хваталка, позвякивая железными внутренностями. Генерал подумал и побежал следом за своими солдатами.

– Отступаем! Ура!.. Ура! Отступаем! – кричал он.

Генерал сообразил, что в условиях общей паники приказ отступить будет самым правильным. Потом он сможет сказать своим солдатам, будто так всё и планировал с самого начала.

Куклавания поднялся с пола.

– Здорово мы их вздули! Теперь долго не сунутся! Только непонятно, откуда они взялись. Не с неба же упали!

Оля нахмурилась и чуть не заплакала, увидев, что её платье испачкано, а голубой бант потерялся.

– Куклавания, ты не поможешь мне найти бант?

Пупс огляделся:

– Ага, вон валяется!.. Смотри, Оля, коробка прорезана! Что бы это могло значить, а?

Оля посмотрела на коробку с дырой в боку, сделанной клешнями Хваталки.

– Наверное, солдатики вылезли из коробки. Сам Петька вредный, и игрушки у него драчливые. Посмотри, как они измазали мне платье! На что я теперь похожа?

– Ни на что ты не похожа! – утешил её Куклавания.

Олю это не утешило.

– А где зайцы? Куда они подевались?

– Мы здесь!

Из приоткрытого ящика письменного стола выглянули Синеус и Трувор. Они мелко дрожали и прижимались друг к другу.

– Ну и трусишки же вы! Можете не бояться. Солдатики убежали! – сказал Куклавания.

Из-под шкафа в другом конце комнаты выглянул Громила и прокричал:

– Генерал велел передать, что мы вам ещё покажем! Мы нарочно отступили!

– Попробуйте только! Мы вас опять поколотим! Забирайте своего дурацкого Петю и проваливайте отсюда! – Куклавания сложил руки рупором, чтобы голос звучал громче.

Громила погрозил кулаком и скрылся за шкафом.

Глава десятая

ЗНАКОМСТВО С УЧЕНИЧКИНЫМ

огда после битвы с солдатиками игрушки вернулись в домик к Оле, Пыхалка и Дуся всё ещё спали. Дуся, та вообще по настроению могла дрыхнуть целыми днями, просыпаясь только по крайней необходимости. Сейчас, вероятно, кошке снилось, что она карабкается на высокое дерево, потому что она перебирала во сне лапками и вертела головой. Пыхалка изредка всхрапывал, выпуская небольшой фонтанчик пламени и дыма.

Дракончик и Дуся спали крепко. Сколько их ни трясли и ни кричали, всё было напрасно. Наконец Оле пришла в голову счастливая мысль звякнуть у них над ухом крышкой кастрюли. Это сработало. Тотчас сони проснулись и стали озираться по сторонам. Оля и Куклавания рассказали им, как они сражались с солдатиками.

– А сколько их было? – спросил Пыхалка.

– Трое... – пупс, не очень сильный в арифметике, на всякий случай пересчитал на пальцах.

– Тогда это был не Добрыня Никитич, – с облегчением вздохнул дракончик.

– А кто такой этот Добрыня Никитич? – поинтересовался Куклавания. – Солдатик?

– Я же рассказывал о нём уже! Не солдатик, а богатырь.

– Я Добрыню Никитича на картинке видела. Он на лошади и с мечом, – похвасталась кукла Оля.

– Точно-точно... Потом лошадь кто-то из наших съел, а меч остался. Как сейчас помню, большущий такой меч, – подтвердил Пыхалка.

– Насколько большой? Сколько в нём было километров-метров-сантиметров-миллиметров? – спросил вдруг чей-то тоненький голосок.

Пыхалка оглянулся.

– Кто это сказал? Ты, Куклавания? – удивился он.

– Не-а, не я, – сказал пупс.

– Это я спросил. Сколько в мече было километров-метров-сантиметров-миллиметров? – нетерпеливо повторил тот же голосок.

Все увидели, что в дверях кукольного домика стоит незнакомец в больших очках на вздёрнутом носике и в смешном красном колпаке. На незнакомце была зелёная бархатная куртка и чёрные ботинки с белыми шнурками. В руках он держал маленький портфель.

– Кто вы? – удивилась Оля.

– Простите! – чопорно произнёс гость. – Забыл отрекомендоваться. Я гном Ученикин, физик-химик-математик.

– Вы из той же коробки, что и солдатики? – подозрительно спросила кукла Оля.

– Нет. Я имел честь прибыть сюда в школьной сумке Маши. Раньше я жил в школе, а теперь решил оттуда уйти. Не могу смотреть, как катастрофически падает уровень образования, – сказал гном.

Пупс открыл было рот, чтобы съехидничать, но Дуся легонько шлёпнула его лапой. Она была серьёзной кошкой и любила разговаривать на умные темы.

– Полностью с вами согласна. Безобразие, просто безобразие! В наше время всё было по-другому. Нынешнее поколение само не знает, что теряет, – промяукала она, обращаясь к Ученичкину.

Двухлетняя кошка Дуся никогда нигде не обучалась, но считала себя ужасно многоопытной и взрослой. Никто её в этом не разубеждал, потому что Дуся, когда злилась, сразу начинала царапаться и кусаться.

– У вас правильные взгляды, уважаемая! Полностью с вами согласен. Позвольте спросить, с кем имею честь беседовать? – спросил гном.

– Дуся... То есть Авдотья, – смущаясь, представилась кошка.

– А я Пыхалка! – сказал дракончик.

– ПЫхалка или ПыхАлка? Как вас правильно ударять? – важно спросил гном.

Дракончик обиделся.

– Меня не надо ударять. Я могу дать сдачи! – буркнул он.

– Я не это хотел сказать. Я спрашивал: как на ваше имя падает ударение?

– Он ПЫхалка! И ударение у него на «пы»! – сказала умная Оля.

Она одна поняла, что гном имеет в виду.

– А я Куклавания... Оля... А он Синеус... А это Трувор... Это тот близнец, который спрятался за Олю... Не обращайтесь внимания, он стесняется... – представились друзья.

– Очень, очень приятно... Но вернёмся к нашему разговору. Так сколько в мече Добрыни Никитича было метров-километров-сантиметров? – гномик достал из портфеля счёты и защёлкал костяшками.

Пыхалка задумался.

– Я точно не знаю, сколько там было килоэтих. Но он был вот такущий!

И дракончик моментально превратился в меч, большой и тяжёлый. Сразу было видно, что это настоящий богатырский меч. Все так и ахнули. Конечно, они и раньше знали, что Пыхалка умеет превращаться, но когда вместо Пыхалки появился вдруг меч, невозможно было не ахнуть.

– Любознательно-прелюбознательно! Научно-пренаучно... Любопытный экземплярчик! – одобрил Ученичкин.

Гном измерил меч рулеткой.

– Два сантиметра три метра пять километров!.. Тютелька в тютельку, – деловито сказал он.

Пощёлкав на счётах, он достал маленькую записную книжку в изум-рудном переплёте и записал туда размеры богатырского меча. Все игрушки, открыв рот, смотрели, как гном выводит в записной книжке красным карандашом.

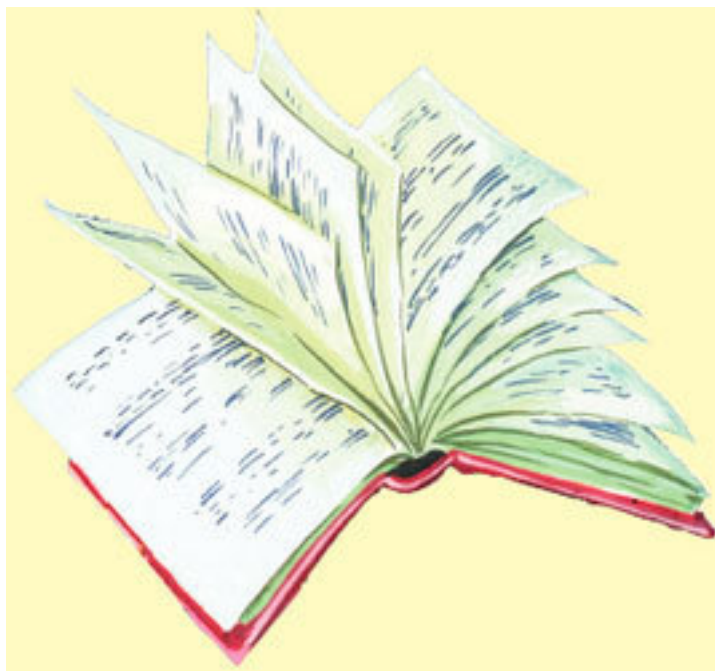
– Ах! Какой у него поэтический вид... Жаль, что он не кот... – восхитилась кошка Дуся.

Ученичкин закрыл записную книжку, спрятал её вместе со счётами в портфель и радостно потянулся.

– Хорошо у вас тут! Уютно. Намного лучше, чем в школьной парте. Я, пожалуй, останусь.

– Оставайся, конечно. А почему ты ушёл из школы? Мне всегда казалось, что там хорошо, – поинтересовалась Оля.

– Неплохо, – авторитетно согласился Ученичкин. – Но очень уж шумно. Раньше я подсказывал двоечникам правильные ответы, а они кормили меня бутербродами. Таблицу умножения я знал назубок! Представляете! А сейчас почему-то стал всё забывать. Трижды три десять. Пятью семь – сорок семь. И вот так всякий раз! Нет, пора в отпуск!

– А где ты будешь жить? – забеспокоился Куклавая. Ему нравился Ученичкин, но пупсу совсем не улыбалось, чтобы тот поселился у него в ботинке.

– У меня на чердаке есть свободная комната. Там Ученичкину будет уютно. Только вот надо подмести, – Оля взяла гнома за руку и повела его смотреть новое жилище.

Глава одиннадцатая

ТАИНСТВЕННОЕ ПОХИЩЕНИЕ ЗАЙЦА ТРУВОРА

Гномик Ученичкин поселился на чердаке домика куклы Оли. Кровати там не было, и пришлось подвесить маленький удобный гамак. Новая комната очень понравилась школьному гному. Целыми днями Ученичкин валялся в гамаке и делал записи в записной книжке. По вечерам он рассказывал истории, в которые невозможно было поверить. Так, гном утверждал, что вода в чайнике становится горячей, когда в ней начинают быстро бегать маленькие козявки – МОЛЕКУЛЫ.

– Быть такого не может! Станут эти молекулы забесплатно бегать! Они что, дрессированные? – заспорил Куклавания.

– Я их сам в микроскоп видел! Молекулы маленькие и живут в воде, как рыбки. Пока вода холодная, они плавают себе тихонечко, как в бассейне, а начинает кипеть – шастают туда-сюда очень быстро, – сказал гном.

– Ещё бы. Бедненькие! Ещё и не так зашастаешь, когда тебя кипятком обварят, – покачала головой Оля.

– Пых-пых! А какие они, эти молекулы? Как выглядят? – заинтересовался дракончик. Ученичкин подумал немножко, потёр лоб и неуверенно сказал:

– Молекулы, они вроде как букашки, только очень маленькие.

Пупс ехидно посмотрел на Олю.

– Букашки-таракашки? Ты, кукла, с таракашками борешься, а того не знаешь, что они у тебя в чае плавают и ножки моют. Смотри не подавись какой-нибудь букашкой.

Слова Куклавани подействовали. Лицо у Оли стало плаксивое, она замахала руками и выбежала из комнаты.

– Накуксилась. Теперь целый час будет дуться! Разве можно быть такой глупой? – пожал плечами Куклавания.

После своего поражения Громила, Генерал и Хваталка больше не появлялись, и о них постепенно забыли. Считали даже, что солдатики переселились в другую комнату, но это было не так, в чём скоро представился случай убедиться. В комнате стали случаться непонятные вещи. У Куклавани исчез кусок бечёвки, на котором он обычно развешивал сушиться свои носки. Вначале никто не обратил на пропажу внимания, потому что пупс всегда был растеряхой. Но когда у Оли исчезла её любимая кастрюля в белый горошек, игрушки собрались вместе и задумались.

Куклавания напустил на себя серьёзный вид.

– Тэк-тэк, случай понятный! Здесь без сыщика не обойтись. Я буду Шерлок Холмс, а ты, Синеус, будешь доктор Ватсон. Ты понял, Синеус? – сказал он.

– Да, – прошептал заяц, потупившись и застенчиво заёрзав ножкой.

– А кто такой этот Шерлок Холмс? – спросил Пыхалка.

– Шерлок Холмс – великий сыщик, а доктор Ватсон – его помощник.

Куклавания надвинул на глаза клетчатую кепку и прошёлся по комнате.

– Ватсон, у вас есть какие-нибудь идеи?

– Нету, – едва слышно пролепетал заяц.

– Так-так, понятно, – многозначительно произнёс пупс. – Значит, ни у кого нет никаких идей? Тогда я начинаю.

Великий сыщик повернулся спиной и закрыл глаза:

– Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! Берегитесь, похитители кастрюль! Великий Холмс вышел на тропу войны!

– Скажи лучше, где кастрюля? Это ты её стащил? – поторопила Оля, следившая за проделками пупса без особого почитания.

– Вывод первый. – Куклавания поправил клетчатую кепку. – Если кастрюли нет, значит, её кто-то взял, так как сами по себе кастрюли не ходят. Вывод второй: тот, кто её взял, наверное, был очень голоден, потому что только очень голодное существо может съесть прокисшую манную кашу, которую готовит Оляка.

– Что ты сказал? Моя каша прокисшая? Если она прокисшая, кто тебя просит её лопать? – обиделась Оля.

– Я ем кашу из сострадания, – сказал пупс.

– Вот я покажу тебе сострадание! И вообще, ты собираешься искать кастрюлю или будешь болтать? – взорвалась Оля.

– Ещё как собираюсь. Найду в два счёта. Но прежде стоит выяснить, пропадала ли кастрюля вообще? Может, ты сама её куда-нибудь спрятала, чтобы не готовить обед? А-а, мама!

Спасаясь от Оли, Куклавания быстро спрятался за кошку Дусю и оттуда храбро показал Оле язык. Неизвестно, как далеко зашло бы дело, но в этот момент Пыхалка вдруг закричал:

– Смотрите! Там наша кастрюля бежит!

Все оглянулись и увидели, что кастрюля быстро ползёт по полу в другой части комнаты. Ползёт сама, совершенно необъяснимо.

– Скорее! Мы ещё успеем её догнать! – закричал пупс.

– Научная сенсация! Самоперемещающаяся кастрюля! – восхитился гном Ученичкин.

И все, кроме струсивших зайцев, оставшихся у домика, помчались за кастрюлей. Впереди летел дракончик. За ним мягкими прыжками неслась Дуся, к хвосту которой прицепился школьный гном. За кошкой едва поспевал Куклавания. Последней, придерживая юбку, бежала Оля.

– Конечно, у меня убегало молоко. Но такого, чтобы убегала кастрюля, такого со мной ещё не было! – бормотала себе под нос Оля.

Кастрюля меж тем ползла себе тихонечко по полу, иногда останавливаясь и словно дразня своих преследователей. Со стороны можно было подумать, что она просто вышла прогуляться.

Очень скоро друзья настигли беглянку. Пыхалка ухватил её за ручку зубами и держал, пока не подоспели остальные. Кошка Дуся выгнула спину и зашипела. Кастрюля больше не шевелилась и не пыталась уползти.

– Она не сама бежала: её кто-то волок за верёвку, – сказал Ученичкин, обходя кастрюлю вокруг и разглядывая её через увеличительное стекло.

– Это моя носковая верёвка, которая пропала! – завопил вдруг пупс.

Друзья недоумённо уставились друг на друга. Они ничего не понимали.

– Это, наверное, солдатики. Но зачем им понадобилось волочь кастрюлю за верёвку? – сказала Оля.

– Совершенно загадочно. Тайна, покрытая мраком... Но смотрите, к нам бежит Синеус!

Спотыкаясь, к игрушкам подбежал Синеус. Он был так взволнован, что не мог произнести ни слова, а только размахивал лапами. Оле пришлось взять его на руки и прижать к себе.

– Трясётся, как отбойный молоток! – удивлённо сказал Куклавания.

Лишь через пять минут Синеус сумел выговорить:

– Трувор... Солдатики украли Трувора! Меня тоже хотели, но я спрятался!

– Не может быть!

– Они подождали, пока вы побежите за кастрюлей, а сами украли Трувора! Они всё нарочно придумали! Это всё тот толстяк, у которого каска на глаза съезжает!

Глава двенадцатая

ПЫХАЛКА СПАСАЕТ ТРУВОРА

Генерал стоял у карты в своём штабе за шкафом и глубокомысленно водил по карте пальцем, делая вид, что размышляет. Карта была нарисована на обрывке обёрточной бумаги и изображала комнату сверху. Карту рисовал Громила, и она получилась на редкость бестолковой.

За шкафом было пыльно. Громила поминутно чихал так громко, что всё вокруг сотрясалось.

– А громче ты не можешь чихать, пустая башка? – закричал на него Генерал.

– Так точно, могу, – пробасил Громила. – А-апчи!

Это был такой мощный чих, что карту сорвало со стены. Каска слетела с головы Генерала и шмякнулась о стену. Бух!

– Недотёпа! Ты нас выдашь! Почему бы тебе не поработать для разнообразия головой? – затопал ногами Генерал.

– Да, командир! Как прикажете! Бух! – Громила с разбегу врезался лбом в стену и довольно заулыбался.

– Я тебя застрелю, идиот! – Генерал выхватил из-за пояса пистолет.

– Не-а, не застрелите! – замотал головой Громила.

– Почему?

– У вас там – гы! – вода закончилась.

На стульчике перед Генералом спал похищенный заяц Трувор. Так как он был ещё маленьким зайчиком, то привык спать днём. Ужасный чих Громилы разбудил Трувора. Зайчик проснулся и задрожал. Генерал увидел, что Трувор открыл глаза, и страшно обрадовался.

– Ну наконец-то! Мы уже два часа ждём, пока ты проснёшься! Рассказывай военную тайну!

– Я не знаю никаких тайн, – промямлил Трувор.

Генерал надулся. Казалось, ещё чуть-чуть – и он заплачет.

– Так неинтересно! Если не знаешь – придумай. Соври что-нибудь! – велел он.

– Я бы с удовольствием, но я ещё маленький и не умею, – захныкал Трувор.

– Хорошо! – рассердился Генерал. – Не хочешь идти нам навстречу – и не надо... Тогда мы тебя будем пытаться! Громила, приступай!

– К чему приступать?

– К пыткам, недоумок!

Громила почесал в затылке, нерешительно подошёл к Трувору и скорчил зверскую рожу:

– У! Сейчас я тебя съем! Как я люблю кушать маленьких зайчиков!

Трувор поднял сонную мордочку и увидел глупое лицо Громилы. Зайчик перестал плакать, некоторое время в недоумении смотрел на кривляющегося Громилу и вдруг расхохотался! Среди всех игрушек Трувор был самым большим смехотунчиком.

– Перестань! Иди сюда, Громила! Я объясню тебе, как нужно пытаться! – рассвирепел Генерал. Он так разозлился и побагровел, что его каска раскалилась докрасна.

Громила послушно подошёл к Генералу, и они стали шептаться. Затем Громила приблизился к зайцу и засучил рукава. Руки у него были огромные, волосатые, страшные.

– Говори тайну, а то защекочу! – сказал он и принялся щекотать зайца.

Тем временем друзья зайчика думали, как выручить его и прогнать солдатиков из комнаты.

– Просто так к ним не сунешься. У них эти гадкие пистолетики, которые стреляют колючками и краской. Мигом испачкают с головы до ног, – сказала Оля.

– Хотите, я их оттуда выкурю? – Пыхалка выпустил из ноздрей струю пламени.

Кошка Дуся лапкой отогнала дым:

– И думать забудь! Ещё подожжёшь что-нибудь!

Синеус просительно дотронулся до школьного гнома горячей лапкой.

– Придумай что-нибудь, Ученичкин! Ты же такой умный! Подумай немножко – и обязательно что-нибудь придумаешь!

Ученичкин нахмурился и принялся ходить по комнате. Он не привык размышлять иначе, как на ногах. Ему обязательно нужно было ходить. Оля даже просыпалась иногда по ночам оттого, что неугомонный Ученичкин шагал по чердаку над её головой.

Дракончик Пыхалка и кошка напряжённо следили за Ученичкиным. Их головы поворачивались вслед за ним вправо-влево, вправо-влево. Так прошло несколько минут. А потом гном вдруг подпрыгнул и закричал:

– У меня идея!

Часом позже Генерал, Громила и Хваталка играли в прятки. Это была единственная игра, которую они знали. Возможно, если бы им было известно больше игр, желание воевать отпало бы само собой. Зайца Трувора солдатики оставили в штабе за шкафом. После щекотки вдоволь нахохотавшийся Трувор уснул и тихонько посапывал в кресле. Никаких военных секретов он не знал, и солдатики потеряли к нему всякий интерес.

Игра в прятки только начиналась. Робот Хваталка водил. Он стоял, закрыв глаза, и считал до пяти. Из всех солдатиков робот был единственным, кто мог честно водить, не подглядывая. Голос у Хваталки был скрипучий, потому что его давно не смазывали.

– Один, два, три... три... три... три... три... – дребезжал Хваталка.

– Опять заклинило! – рассердился Генерал, выползая из-под старой газеты. Он подбежал к роботу и повернул ключик у того на спине. Потом быстро забрался под газету, стараясь не шелестеть страницами.

– Три... три... четыре... пять... Я иду искать! – досчитал Хваталка и открыл глаза.

Глазами ему служили две лампочки. Когда робот закрывал глаза, лампочки погасали. Теперь же лампочки зажглись. Хваталка внимательно оглядел всё вокруг. Никого! Робот включил гусеницы на самую тихую скорость и поехал искать.

– Привет, я здесь! – услышал вдруг робот за спиной громкий незнакомый голос.

Хваталка быстро повернулся, щёлкнул клешнями, но никого не увидел. Лишь на полу валялся старый красный мяч. Глаза Хваталки в недоумении вспыхнули так ярко, что лампочки едва не перегорели. Когда робот отвернулся, красный мяч исчез.

Громилу Хваталка обнаружил довольно скоро. Он спрятался в кузове игрушечной грузовой машины без колёс, которая валялась за шкафом несколько месяцев. В кузове великану быстро надоело. Он принялся громко возиться и вздыхать. Грузовичок затрясся до основания и едва не развалился на части.

Громила и Хваталка забыли про Генерала, нашли мяч для большого тенниса и стали им перебрасываться. Генерал, притаившийся под газетой, вначале радовался, что его никто не нашёл, затем стал понемногу скучать, а под конец чуть не выл от безделья. Внезапно сообразив, что его никто и не ищет, он вылез из-под газеты. Тотчас его сшибло с ног мячом, который с силой кинул Хваталка.

– Недоумок! Ты должен был меня искать! – завопил Генерал.

– Простите, командир! Но вы всегда злитесь, когда я вас нахожу. Сегодня вы прятались под газетой. Вы шуршали, и каска выглядывала, – прогремел робот.

Генерал топнул ногой, надулся и пробурчал, что все недотёпы и что вообще непонятно, зачем он с ними водится.

– Пошли в штаб! Будем планировать какую-нибудь пакость этим игрушкам! – проворчал недовольный Генерал.

Когда солдатики подходили к штабу, нога Громила внезапно натолкнулась на круглый предмет.

– Я нашёл новый мячик! Оранжевый! – обрадовался Громила, занося ногу.

– Ого! Какой здоровенный апельсин! Как мы его раньше проглядели? Не вздумай пинать! Это очень вкусно! – Генерал вцепился в апельсин.

– Пельсин мой! Я его нашёл! – зарычал Громила.

– А я его узнал! Без меня ты думал бы, что это мяч! – Генерал схватился за пистолет, но вспомнил, что он не заряжен.

– А я его нашёл! – Громила грозно надвинулся на Генерала.

– Так и быть, я с тобой поделюсь! Апельсин большой, его на двоих хватит, – спохватился Генерал.

Он надеялся, что Громила забудет про апельсин и его можно будет съесть в одиночку.

Войдя в свой склеенный из газет домик, солдатики положили апельсин на стол и подозрительно уставились друг на друга. Генерал не-естественно улыбался. В глазах Громила светила неприкрытая жадность.

– Т-ты н-не хочешь вымыть руки? – спросил Генерал как можно небрежнее.

– Нет, не хочу! Я их никогда не мою! – Громила не отрывал взгляда от апельсина.

– Плохо! Апельсины можно есть только вымытыми руками! Иначе они взрываются. Не успеешь рта раскрыть, как – БУХ! – тебя разрывает всмятку! – соврал Генерал.

На глупом лице Громилы зашевелилось подозрение.

– Тогда пошли мыть руки вместе! Пельсин пусть пока здесь полежит! – сказал он.

Оставив Хваталку на карауле, Генерал и Громила вылезли из-под шкафа и ополоснули руки в небольшой луже. За тем, чтобы лужа никогда не пересыхала, следили соседи сверху, постоянно затапливавшие комнату Маши. Вымыв руки, солдатики устремились к апельсину.

– Чур мне корку! – схитрил Генерал.

– Нет, мне! Мне! Мне! – заспорил Громила.

– Ну как хочешь... Пускай тебе корку! А я, так и быть, возьму мякоть, – уступил Генерал.

Он решил провести простодушного Громилу, и это бы ему удалось, но, когда они вернулись в штаб, то обнаружили, что... АПЕЛЬСИН исчез!!!

– Где он? Куда ты его дел? – набросились солдатики на Хваталку.

– В комнату никто не входил! Никто из посторонних к апельсину не приближался. Только вы вдвоём! – задрбезжал робот.

Зная, что Хваталка не умеет врать, Генерал и Громила с подозрением уставились друг на друга.

– Это ты! Это ты его стащил! – сорвался Генерал.

– Нет, ты! Отдай немедленно мой пельсин! – Громила стал трясти Генерала, как котёнка. У Генерала застучали зубы.

– Б-бе-бе-зоб-брази-зи-е! О-о-отпусти не-медленно! Я твой к-командир!

Хваталка носился вокруг дерущихся и щёлкал клешнями. Он не знал, чью сторону принимать. Неожиданно над головами солдатиков раздался смех:

– Ха-ха! Пых-пых! Ха-ха! Ха-ха!

Солдатики мигом прекратили драться и посмотрели наверх. Никого!

– Ха-ха! Вот ослы! Ха-ха!

Стоило увидеть в этот момент лица солдатиков. У Генерала слетела каска и сам собою открылся рот! Громила покраснел и опять перестал выговаривать «р»:

– Калаул! Пливидение! Гломиле стлашно!

У Хваталки гусеницы стали вращаться в разные стороны. Лампочки ярко вспыхнули. Он наугад выстрелил из пушки на животе липучкой. Липучка умчалась в пространство, и больше её никто не видел.

– Вот потеха! Ой, не могу, смешно! – звенел под потолком радостный голос.

Неожиданно рядом с Громилой возник ещё один Генерал, похожий на прежнего, как брат-близнец.

– Пых-пых! Недотёпы! Хватайте того Генерала! Он самозванец! Железка, вперёд! – зарычал он.

– Я настоящий! Руки прочь! Не меня, его хватайте! – испугался настоящий Генерал.

Генералы забегали по штабу и окончательно перепутались. Громила разинул рот и не мог сдвинуться с места. Хваталка носился от одного Генерала к другому, щёлкал клешнями и повторял: «Данные противоречивы! Данные противоречивы!»

Тут один из двух Генералов исчез, а вместо него вдруг появился близнец Громилы.

– Калаул! Подменяют! Спасайся кто может! – закричал близнец.

– Мамочки! Мне стлашно! – заорал настоящий Громила и выбежал из склеенного из газет штаба прямо через стену. Следом выкатился Хваталка. Сзади нёсся перепуганный Генерал. Он придерживал каску и вопил:

– Стойте, куда вы? Это не по уставу! Первым отступать должен я!

Не успели солдатики выбежать, как раздался страшный грохот. Это сработали противогостевые ловушки Куклавани. Пока Пыхалка отвлекал Генерала, Громилу и Хваталку, Куклавания и Оля натянули верёвки и соорудили противогостевые ловушки.

На Громилу свалилась распоротая подушка. Он моментально расчихался и сделался похож на встревоженную курицу: бессвязно кудахтал и строчил из пулемёта, пока не закончились кнопки. Хваталка запутался в верёвках и болтался в воздухе, вращая гусеницами. Генерал очутился в пустой банке из-под варенья. Банку поставили боком и, едва Генерал в неё забежал, закрыли крышкой.

– Бу-бу! Бу-бу-бу-бу! – доносилось из банки.

Потом друзья освободили зайчика Трувора. Синеус и Трувор так обрадовались, что они снова вместе, что даже заплакали. Свои заплаканные мордочки они, естественно, вытерли о передник куклы Оли.

– Ну что? Так вам и надо! – строго сказала Оля солдатам.

– Мы больше не будем! Простите нас! – заныл Громила, вытирая громадным кулаком нос.

– Бу-бу-бу-бу! Бу-бу-бу-бу! – раздавалось из банки.

– Генерал говорит, что попытается исправиться, – перевёл Ученичкин.

Из газетного домика вылетел Пыхалка, крайне довольный.

– Как я их? Хвостом бац! А он: «Мама!» Тот как подпрыгнет, а железка, та вообще... Как брякнется! Пых-пых! А этот в каске, как увидит меня: думает, что это он! Здорово! А я ему: «У! Вот я тебе!» А он: «А-а!»

Хотя рассказ Пыхалки был бессвязным, он имел у аудитории успех. Кошка Дуся даже попросила повторить лекцию «на бис», уделяя больше внимания деталям.

– Что будем делать с солдатами?

Может, отпустим? – прервала дракончика кукла Оля.

– Давайте их щекотать! Пусть рассказывают военные тайны! Мне ужас как понравилось! – робко предложил зайчик.

– Мамочки! Я боюсь щекотки! Я так не играю! – взвыл Громила.

Он с сумасшедшей скоростью упрыгал на одной ноге, волоча за собой подушку. Вторая нога запуталась в наволочке. Следом понёсся Хваталка, грохоча железными внутренностями. За ними, оглядываясь, бежал Генерал.

– Меня забыли! Начальство должно отступать первым! – вопил он.

– Каску потерял! Куда? – кричали ему вслед друзья.

Через несколько дней Петя уехал в Тулу и забрал с собой коробку с солдатиками.

Глава тринадцатая

ПИКНИК НА КРЫШЕ

Долгое время Куклавания, Оля и Ученичкин не могли решить, стоит ли рассказывать Маше о дракончике. Но всё произошло само собой.

– Пых-пых! Не могу же я всю жизнь прятаться? В конце концов, Маша не Добрыня Никитич. Отчего бы и не познакомиться? Я думаю, моя мама не стала бы возражать, – сказал дракончик.

– Но ты бы мог стать невидимым, – предложила осторожная кукла Оля.

– Всё время быть невидимым неинтересно! Все смотрят на тебя как на пустое место. Обидно! – расстроился Пыхалка.

– Ну тогда иди – знакомься, раз надумал! От сомнений мухи дохнут! – сказал Куклавания.

И дракончик вылез из шкафа, где прятался, когда Маша была дома. Пыхалка подошёл к девочке и толкнул её головой.

– Не мешай, Дуся! Разве ты не видишь, что я занята? – сказала Маша, думая, что это кошка.

Но потом Маша всё-таки посмотрела вниз и увидела зелёного дракончика с жёлтыми глазами и маленькими крылышками на спине. Дракончик умильно поглядел на девочку и произнёс:

– Привет! Я Пыхалка!

– А я Маша, – сказала растерявшаяся девочка.

– Уф, – облегчённо выдохнул дракончик, – вот и познакомились! Теперь можно и поболтать на какую-нибудь вежливую тему. У тебя есть горчица?

– Горчица? В холодильнике, наверное, есть, – изумилась Маша.

– И ты разрешаешь мне её взять?

– Да, конечно. Хочешь, я принесу?

– Не беспокойся. Я ещё вчера всю съел, – похвастался Пыхалка.

– А зачем тогда спрашивал?

– Так просто. Для поддержания разговора. – Пыхалка закружился на месте, охотясь, как кошка, за своим хвостом. Только хвост у него был зелёный и тонкий, с зазубринами.

– Никогда не могу его поймать! Совершенно непредсказуемый хвост. Сколько его ни лови, в самый последний момент ему всегда удаётся ускользнуть, – пожаловался дракончик.

Маша нерешительно дотронулась до блестящей чешуи на спине Пыхалки. Она никак не могла поверить, что её собеседник существует на самом деле.

– Я тебе нравлюсь? Можешь погладить! – разрешил Пыхалка.

– Вы уже познакомились? Тогда давайте поиграем! – крикнул Куклавания, высываясь из своего ботинка.

– А во что мы будем играть?

– Ни во что! Мы пойдём гулять на крышу! – Куклавания выскочил из ботинка.

Он был в обычном походном снаряжении: с кастрюлей на голове и с открывалкой в руках.

– Я не знаю. Конечно, уроки я все почти сделала, но... – засомневалась Маша.

– Никаких «но»... Великие приключения не ждут! – возмутился пупс.

Маша согласилась погулять по крыше с условием, чтобы никто из игрушек не подходил к краю. «Это опасно!» – сказала она. Дуся тоже засобиравалась. Крыша была тем местом, куда кошку всегда тянуло. Там она могла запросто встретить своего любимого кота. Надеясь на это, Дуся умылась лапкой и привела себя в порядок.

Люк на крышу по счастливой случайности оказался не заперт. Крыша была ровной, огороженной по краям перилами. Дул лёгкий ветерок. Пыхалка сразу принялся летать, а пупс бегать. Дуся незаметно огляделась и, поняв, что котов нет, расстроилась.

– Не очень-то и хотелось! – пробурчала она себе под нос.

Маша немного походила по крыше. Вначале осторожно, а потом всё смелее. Она даже решилась посмотреть вниз, крепко вцепившись в перила. Где-то далеко ездили машины, казавшиеся игрушечными.

– Посмотри, что я умею! – крикнул Пыхалка и ловко сделал в воздухе петлю. Он так изогнулся, что на миг его голова и хвост почти соприкоснулись.

У Маши даже дыхание перехватило. Она боялась, что дракончик упадёт. Но боялась она напрасно. Пыхалка опустился на крышу рядом с девочкой.

– Больше никогда так не делай! На это даже смотреть страшно, – попросила Маша.

Дракончик высунул длинный раздвоенный язык. Он всегда так делал, когда бывал доволен.

Куклавания огляделся в поисках нового развлечения. На глаза ему попала телевизионная антенна. Это была тонкая металлическая труба, от которой в обе стороны отходили железные усы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.